

ISSN 2312-3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И   К А З А Н С К О М   У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

**Том 39, № 3
2019**

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КАЗАНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК РТ

ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Том 39, № 3

КАЗАНЬ, 2019

**ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

2019. Том 39. № 3

ISSN 2312–3400

**Научный журнал
Издаётся с 2017 года**

Учредители: Хайрутдинов Р.Р., Ситдиков А.Г.
Издатель: редакция журнала

Адрес издателя: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массо-
вых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ
№ ФС 77-72116 – печатное издание от 29.12.2017.

Периодичность: 4 выпуска в год

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: kvmkufu@mail.ru
Сайт журнала: <https://ioaie.ru>

Дата выхода выпуска в свет: 10.01.2020.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84/16.
Тираж 150 экз. Заказ № 4/1. Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета.
Адрес типографии:
420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28

Главный редактор

Напольских Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор КФУ, профессор кафедры культурологии Удмуртского государственного университета (Ижевск), член-корреспондент РАН

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Казани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головинов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Этнографического Бюро, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Исмаил Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).

Михай Хоппал, Dr. hab., профессор, президент International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры и искусств (Казань);

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института археологии АН РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой финно-угроведения Гёттингенского университета (Гёттинген).

Юха Янхунен, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой восточноазиатских исследований Хельсинкского университета (Хельсинки).

Распространяется бесплатно

© Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2019

**PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Volume 39, issue 3

ISSN 2312–3400

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2017 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Founders: Ramil R. Khayrutdinov, Ayrat G. Sitdikov

Address of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

Editor-in-chief

Vladimir V. Napolskikh, Doctor of history, Professor of the Udmurt state University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Kazan).

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Professor, Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории науки. Эпистолярное наследие

<i>Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов, Н. Н. Дьяков, Р. З. Валеева.</i> Восточные языки в Казанском и Петербургском университетах (в первой половине XIX века).....	8
<i>Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов, В. Г. Дацьшен.</i> Василий Васильев как исследователь китайской истории.....	20
<i>И. В. Кулганек, Р. М. Валеев, Д. Е. Мартынов, В. Ю. Жуков.</i> Монгольские и китайские дневники Осипа Ковалевского (1828–1833).....	36
<i>И. В. Кулганек, О. Н. Полянская, Валеев Р. М., Д. Е. Мартынов.</i> Переписка О. М. Ковалевского с сибирской интеллигенцией (1828–1833).....	46
<i>Р. М. Валеев, О. Д. Василюк, Д. Е. Мартынов, Р. З. Валеева, Д. Р. Хайрутдинов.</i> Переписка А. Е. Крымского с петербургскими востоковедами (1890–1930 гг.).....	58
<i>Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых.</i> Геро фон Мергарт и его «Воспоминания о Советской России».....	69

CONTENTS

From the history of science. Epistolary heritage

<i>R. M. Valeev, N. N. Dyakov, R. Z. Valeeva, D. E. Martynov.</i> Oriental languages in Kazan and St. Petersburg universities (in the first half of the XIX century)	8
<i>R. M. Valeev, D. Ye. Martynov, V. G. Datsyshen</i> Vasily Vasiliev as a researcher of Chinese history	20
<i>I. V. Kulganek, R. M. Valeev, D. E. Martynov, V. Yu. Zhukov.</i> Mongolian and Chinese diaries of Osip Kovalevsky (1828–1833)	36
<i>I. V. Kulganek, O. N. Polyanskaya, R. M. Valeev, D. E. Martynov.</i> O. M. Kovalevsky's correspondence with the Siberian intelligentsia (1828–1833)	46
<i>R. M. Valeev, O. D. Vasiliuk, D. E. Martynov, R. Z. Valeeva,</i> <i>D. R. Hairutdinov.</i> Krymsky's correspondence with St.-Petersburg's orientalists (1890–1930)	58
<i>E. V. Detlova, S. V. Kuzminykh.</i> Gero von Merhart and his «Memoires on the Soviet Russia»	69

**Из истории науки.
Эпистолярное наследие**

УДК 93;81-119

Восточные языки в Казанском и Петербургском университетах (в первой половине XIX века)

Р. М. Валеев,

e-mail: valeev200655@mail.ru

Казанский федеральный университет,

г. Казань, Россия

Д. Е. Мартынов,

dmitrymartynov80@mail.ru

Казанский федеральный университет,

г. Казань, Россия

Н. Н. Дьяков,

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

Р. З. Валеева,

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова,

г. Казань, Россия

Аннотация

Статья посвящена процессам становления научных дисциплин, занимающихся исследованиями языков мусульманских народов Ближнего Востока. В России их изучение и преподавание началось задолго до основания первых университетов, и институционализация преподавания арабского, персидского и тюркского языков произошла в середине XIX века. После основания Казанского (1804) и Санкт-Петербургского (1819) университетов произошло формирование целостного структурного видения арабо-мусульманского мира и наследия народов Арабского Востока. Важным организационным и методическим направлением изучения азиатских языков, в том числе арабо-мусульманских стала реализации идеи и принципов практической интеграции гимназических и университетских курсов восточных языков. Эта установка была осуществлена только в Казанском университете в первой половине XIX в.

В статье использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы. Ее материалы представляют интерес для исследователей истории востоковедения и развития высшего образования в Российской Империи.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, Востоковедение, Академический ориентализм в Российской Империи, языки ислама, Санкт-Петербургский университет, Казанский университет.

Для цитирования: Валеев Р. М., Дьяков Н. Н., Валеева Р. З., Мартынов Д. Е. Восточные языки в Казанском и Петербургском университетах (в первой половине XIX века). *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 8–19.

Введение

В России во второй половине XVIII – нач. XX вв. формировалась и развивалась система востоковедческого образования, научные, просветительские и мировоззренческие принципы учебной деятельности и комплексных арабо-мусульманский штудий академических ученых и практиков. Арабистика, тюркология и иранистика как комплекс мусульманских дисциплин и научных знаний, а также ключевые направления ориенталистики об истории и культуре арабо-мусульманский народов становились органической сферой отечественной науки, культуры и российского общества.

Переломным рубежом в организации преподавания азиатских языков вполне справедливо связывают с деятельностью Петра I и его указом от 18 июня 1700 г. о направлении в Тобольск “добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться”. А. М. Куликова отмечает, что “в 1700 – 1703 гг. он стремился наладить преподавание китайского, монгольского, японского, сирийского, древнееврейского, «халдейского» языков (Куликова, 1993, с. 13). Кроме центрально- и восточноазиатских языков в официальной политике формирующейся империи были представлены также семитские языки. Выявляя некоторые важные правительственные меры об истоках подготовки переводчиков известных арабо-мусульманских языков следует отметить 1714 – 1715 гг., когда Петр I поручил выбрать учеников “для их включения в состав посольства А. П. Волынского в Персию и обучения их там араб[скому], перс[идскому], тур[ецкому] языкам” (Куликова, 1993, с. 63).

В последующем можно отметить появление оригинальных переводов классических тюркских, арабских и персидских литературных памятников, составление словарей, грамматик, пособий и в целом формирование целостного структурного видения арабо-мусульманского мира и наследия народов Арабского Востока.

Методы

На рубеже XVIII – XIX вв. обозначилась эпоха рождения социокультурных и научных традиций отечественных арабо-мусульманских штудий. Этот значимый рубеж, прежде всего, связан с важной составляющей университетской ориенталистики в России в первой половине XIX вв. – систематическим и комплексным преподаванием и изучением арабского, персидского и тюркских языков, сыгравшие исключительную роль в исследовании письменных и материальных памятников и в целом целостным видением историко-географического и культурного пространства арабо-мусульманской цивилизации. В начале XIX в. в Европе и России восточные языки, прежде всего, олицетворялись языками Библии и мусульманских народов (Guliyev, 2015). Указанные обстоятельства определили использование в статье историко-генетического и историко-сравнительного методов, а также биографического метода, понимаемого расширительно – как биографию научного направления и академических институтов.

Результаты

Университеты России, в том числе Казанский и Петербургский университеты в XIX – нач. XX вв. играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи» в своих социально-политических, научных и культурных миссиях (Андреев, 2009). Востоковедение и ориентализм (арабо-мусульманские курсы и исследования) как новые гуманитарные направления российской университетской корпорации нового времени становились органичным в реализации идеалов европейского классического университета в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента и т.д. Особенно университетские уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г., 1884 г. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школе России. Тенденция усиления и углубления специ-

ализации университетского востоковедения на протяжении XIX в. связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также подготовки кадров для государственной службы в империи прослеживаются в арабистике, тюркологии, иранистике и исламоведении. Эти региональные университетские дисциплины и направления в Казанском и Санкт-Петербургском университетах особенно в XIX – начале XX вв. органично вплетались в геополитическое, общественное и культурное развитие императорской России. Но особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная система в университетах сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского и имперского стереотипов о мусульманском Востоке. Также в размывании существующих официальных и общественных стереотипов об «азиатском варварстве», «фанатизме», «мусульманском факторе», «панисламизме», «пантуранизме», «магометанско-татарском», «татаризации», «мусульманстве» и т.д.

В целом университетское востоковедение и арабо-мусульманские исследования в России продемонстрировали различные противоречия между университетом и имперской властью в процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке.

По итогам известного «обозрения» попечителя Казанского учебного округа Магницкого М. Л. (1778 – 1855), попечитель Казанского учебного округа в 1819 – 1821 гг.) в инструкции ректору университета от 17 января 1820 г. «О языках Восточных» особо указывалось, что преподаватель должен был «ограничиться преподаванием Арабского и Персидского в том единственно отношении, в котором они по торговым и политическим связям для России могут быть полезны». В Петербургском университете известно дело профессоров 1821 г. и расправа Д. П. Рунича с «неблагонадежными профессорами» университета (Андреев, 2009, с. 537). Известные приглашенные французские профессора “Шармуа и Деманж, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности, что привело к тому, что с осени 1821 г. преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет”. И. Ю. Крачковский, оценивая деятельность первого декана восточ-

ного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы А. К. Казем-Бека (1855 – 1859 гг.) отмечал, что “пятилетний период деканства был, в сущности, борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казембек поддерживал первое направление”.

Арабо-мусульманские предметы и курсы сыграли значимую роль в образовательном и воспитательном процессе в российском обществе и государстве.

Особенно в первой половине XIX в. тюркология, арабистика и иранистика в России, включенные в программы университетов приобретают академический и гуманистический характер. Знания и наука об истории и культуре народов мусульманского Востока в России были органично связаны с интенсивными историко-культурными контактами, политическими и государственными интересами и общественными интересами. В этот период по сравнению с предшествующими столетиями в академической и университетской ориенталистике заметно развитие подлинно научных филологических и историко-культурных знаний в арабо-мусульманских штудиях, появление новых методик и приемов, а самое главное расширилась учебная, методическая и источниковедческая база академической и университетской ориенталистики. Научное и общественное значение российского востоковедения, ее уровень определялся развитием преподавания и изучения мусульманских языков в университетах Европы и России, качественным накоплением объективных знаний о народах и государствах арабо-мусульманского мира и интересом российского государства и общества к их осмыслению. В первой половине XIX в. формируются институциональные структуры и центры арабо-мусульманских исследований, связанные с языками, литературой, поэзией и историко-культурными памятниками древней, средневековой и новой историей и культурой арабо-мусульманских народов особенно тюрков, арабов, персов и других мусульманских этносов и народов.

В истории и культуре народов Поволжья и Приуралья и, конечно, казанского и петербургского центров востоковедения к середине XIX в. арабо-мусульманские исследования занимают важное историко-научное место. Истоки преподавания мусульман-

ских языков в университетах Казани и Санкт-Петербурга свидетельствуют об историко-филологической и сравнительно-исторической направленности и комплексности исследований истории и культуры зарубежного мусульманского мира (Арабские страны, Османская империя, Персия) и историко-культурного пространства «русского ислама» (Волго-Уральский регион, Сибирь, Кавказ, Средняя Азия и Крым).

Истоки официального преподавания мусульманских языков в Казани и скорее всего в империи связаны с Первой Казанской гимназией (1758) при Московском университете, где с 1769 г. с учетом географического положения и наличия тюрко-татарских манускриптов был создан класс татарского языка.

Основные события, свидетельствующие о формировании традиции преподавания мусульманских языков в российских университетах следующие. Впервые в университетах России арабский язык стали преподавать с 1807 г. в Казанском университете, благодаря появлению выпускника немецкого университета Х. Д. Френа (1782 – 1851). Чуть позднее с 1811 г. этот язык был введен в Московском университете. С именем и наследием Болдырева А.В. (1780-1842) связаны истоки научной арабистики в этом университете.

С 1819 г. арабскую и персидскую словесность в Санкт-Петербурге преподавали профессора Ж.-Ф. Деманж (1789 – 1839), Ф. Б. Шармуа (1793 – 1868) и М. Д. Топчибашев (1790 – 1869), а с 1822 г. арабский язык стал преподавать О. И. Сенковский (1800 – 1858) в Петербургском университете. В 1829 – 1839 гг. г. Б. А. Дорн (1805 – 1881) вел курсы арабской и персидской словесности в Харьковском университете и в 1838 – 1842 гг. в Петербургском университете – санскрит и афганский язык.

В 20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания арабо-мусульманских языков: в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф. И. Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И. Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А. Онисифоров стал преподавателем татарского

языка; в 1833 г. К. Фойгт был утвержден преподавателем персидского языка; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С. С. Уварова утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т.д.

В 30–50-е гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии мусульманских языков: в апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены – М. Казем-Бек (турецко-татарский язык), К. Фойгт (персидский язык), М. Первухин (арабский язык), Н. Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М. Алиев (практические занятия по турецкому языку); в январе-феврале 1843 г. М. -Г. Махмудов был назначен преподавателем мусульманской каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык; в сентябре 1845 г. Абд. Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка; в 1848 г. на должности восточных языков были назначены – В. Михайлов (татарский язык), К. Попов (персидский язык), Н. Навроцкий (арабский язык), в декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка; утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками – арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский, маньчжурский и т.д.

В 1830-1850 гг. были составлены основные методические программы для мусульманских языков – «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» Ф. Эр-дмана, «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» А. Казем-Бека.

Теоретическая часть преподавания в гимназии мусульманских языков включала следующие положения – «чтение и письмо» (IV класс); «подробное изложение этимологии» и «легкие переводы с тщательным этимологическим разбором и объяснением» (V класс); «краткое систематическое изложение синтаксиса» и «продолжение переводов» (VI класс); «продолжение чтения» и «толкование трудных переводов» (VII класс) и другие.

Практическое преподавание должно было ориентировать надзирателей: на «чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с особенным наблюдением за правильным произношением» (IV–V классы); «составление фраз из заученных слов» или «устные переводы», а также «разговоры» на азиатских языках (V–VI классы); «заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков, и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии» (VII класс) и т.д.

Важным организационным и методическим направлением изучения азиатских языков, в том числе арабо-мусульманских стала реализации идеи и принципов практической интеграции гимназических и университетских курсов восточных языков. Эта установка была осуществлена только в Казанском университете в первой половине XIX в.

Обсуждение

Исследование проблем арабо-мусульманских штудий в высших учебных заведениях Российской империи в последние десятилетия неоднократно становились предметом специального исследования, в котором принимали участие специалисты крупнейших научных центров Европы, США и некоторых ближневосточных стран, включая Азербайджан (Geraci, 2001; Guliyev, 2015; Gutmeyr, 2017; Kemper, Elger, 2017; Ruddy, 2004; Sonn, 1996; Yemelianova, 2002). Для носителей английского язык в 2016 г. стали доступны и оригинальные тексты классиков русского востоковедения, в первую очередь И. Ю. Крачковского (Kratchkovsky, 2016). Это показывает, что достижения российских востоковедов с успехом могут быть интегрированы в западную академическую модель.

Выводы

В середине XIX в. арабистика, иранистика, тюркология и в целом арабо-мусульманские штудии как комплекс знаний и научные направления ориенталистики по истории и культуре мусульманских народов благодаря миссии университетов становились органической сферой отечественной науки, культуры российского государства и общества.

Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских и петербургских университетских востоковедов.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира в двух университетах Казани и Петербурга в первой половине XIX в. было сконцентрировано по следующим основным направлениям – подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлении научных путешествий на мусульманский Восток; переводных и оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.

Заключение

На рубеже реорганизации университетского востоковедения в 1855 г. один из официальных документов Казанского университета сообщал: “Главную и существенную потребность края, для которого Казань служит средоточием, составляют мусульманские языки: в этом случае восточный факультет при Казанском университете, как относительно своих преподавателей, так относительно и воспитанников и учебных пособий, вполне удовлетворяет всем требованиям, распространяя вместе с практическим знанием мусульманских языков, основательное и верное знакомство с историей и настоящим положением мусульманского Востока...”. В дальнейшем этот социокультурный и историко-научный образы востоковедения и особенно перспективы арабо-мусульманских исследований в Казанском университете оказывали огромное позитивное влияние на высокий научный и просветительский имидж университета и в целом на развитие науки о мусульманском Востоке в истории отечественной культуры и научных исследований XIX – начала XXI вв.

Литература

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: «Знак», 2009, с. 640.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII века-1917 г.). Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 1993, с. 448.

Geraci, R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001, pp. 389.

Guliyev, V. The Azerbaijani School in Russian Orientalism: The First Half of 19th Century. L'Hartmann, 2015, pp. 343.

Gutmeyr, D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility: The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878. Wien: Lit Verlag, 2017. 314 pp. (144)

Kemper, M.; Elger, R. (eds.). The Piety of Learning: Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth. Leiden: Brill, 2017, pp. 446.

Kratchkovsky, I. Y.; Kemper M. (tr.). Among Arabic Manuscripts: Memories of Libraries and Men. Leiden: Brill, 2016, pp. 190.

Ruddy, J. Early Nineteenth-century Changes in Russian Perceptions of Muslim Peoples. University of Wisconsin--Madison, 2004, pp. 120.

Sonn, T. Interpreting Islam: Bandali Jawzi's Islamic Intellectual History. Oxford University Press, 1996, pp. 224.

Yemelianova, G. Russia and Islam: A Historical Survey. Houndmills: Palgrave, 2002, pp. 244.

Сведения об авторах:

Валеев Рамиль Миргасимович, Мартынов Дмитрий Евгеньевич – Казанский Федеральный университет; e-mail: valeev200655@mail.ru; dmitrymartynov80@mail.ru

Дьяков Николай Николаевич – Санкт-Петербургский Государственный Университет

Валева Роза Закариевна – Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Oriental languages in Kazan and St. Petersburg universities (in the first half of the XIX century)

Valeev R. M., Dyakov N. N., Valeeva R. Z., Martynov D. E.

Summary

The article is devoted to the processes of formation of scientific disciplines involved in the study of the languages of the Muslim peoples of the Middle East. In Russia teaching of it began long before the founding of the first universities, and the institutionalization of teaching Arabic, Persian and Turkic languages occurred in the middle of the nineteenth Century. After the Foundation of Kazan (1804) and St. Petersburg (1819) universities, a holistic structural vision of the Arab-Muslim world and the heritage of the peoples of the Arab East was formed. An important organizational and methodological direction in the study of Asian languages, including Arab-Muslim languages, was the implementation of the idea and principles of practical integration of gymnasium and University courses of Oriental languages. This installation was carried out only at Kazan University in the first half of the XIX century.

Historical-genetic and historical-comparative methods are used in the article. Its materials are of interest to researchers of the history of Oriental studies and the development of higher education in the Russian Empire.

Keywords: Russia, middle East, Oriental Studies, Academic Orientalism in the Russian Empire, languages of Islam, St. Petersburg University, Kazan University.

References

- Andreyev A. YU. Rossiyskiye universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy. Moskva: «Znak», 2009, s. 640.
- Geraci, R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001, pp. 389.
- Guliyev, V. The Azerbaijani School in Russian Orientalism: The First Half of 19th Century. L'Hartmann, 2015, pp. 343.
- Gutmeyr, D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility: The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878. Wien: Lit Verlag, 2017. 314 pp. (144)
- Kemper, M.; Elger, R. (eds.). The Piety of Learning: Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth. Leiden: Brill, 2017, pp. 446.
- Kratchkovsky, I. Y.; Kemper M. (tr.). Among Arabic Manuscripts: Memories of Libraries and Men. Leiden: Brill, 2016, pp. 190.
- Kulikova A. M. Vostokovedeniye v rossiyskikh zakonodatelynykh aktakh (konets XVII veka-1917 g.). Sankt-Peterburg: «Peterburgskoye Vostokovedeniye», 1993, s.448.
- Ruddy, J. Early Nineteenth-century Changes in Russian Perceptions of Muslim Peoples. University of Wisconsin--Madison, 2004, pp. 120.
- Sonn, T. Interpreting Islam: Bandali Jawzi's Islamic Intellectual History. Oxford University Press, 1996, pp. 224.

About the authors

Valeev Ramil, Martynov Dmitry – Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: valeev200655@mail.ru; dmitrymartynov80@mail.ru;

Dyakov Nikolay – Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Valeeva Roza – Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Russia

Yemelianova, G. Russia and Islam: A Historical Survey. Houndmills: Palgrave, 2002, pp. 244.

УДК 94(510)

Василий Васильев как исследователь китайской истории

Р.М. Валеев,

valeev200655@mail.ru

Казанский Федеральный Университет,

Казань, Россия

Д. Е. Мартынов,

dmitrymartynov80@mail.ru

Казанский Федеральный Университет,

Казань, Россия

В. Г. Дацышен,

Сибирский Федеральный Университет,

Красноярск, Россия

Аннотация

Масштаб личности и творческого наследия В. П. Васильева, его выдающаяся роль в развитии российского и европейского китаеведения во многом ярко и драматично оценена его соратниками и современными исследователями. К сожалению, сегодня отсутствует фундаментальная академическая монографическая работа, посвященная академику В. П. Васильеву. Также полно не выявлено, систематизировано и введено в научный оборот сохранившееся рукописное наследие казанского, пекинского и Санкт-Петербургского периодов его жизнедеятельности. На основе разнообразных материалов представляется важным в год 200-летнего юбилея В. П. Васильева отдать дань уважения его памяти, продолжившего российские традиции служения науке об истории и культуре народов Китая.

Статья посвящена наследию В. П. Васильева (1818 – 1900) как историка Китая. Объем его наследия настолько велик и оригинален, что в полной степени так и не было востребовано российской и европейской синологией. В. Васильев в 1838 г. окончил Восточное отделение Казанского университета, в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию о монгольском буддизме. В 1840 – 1850 гг. он находился в Пекине в составе Православной духовной миссии. После возвращения, в 1850 – 1855 гг. занимал должность зав. кафедры китайской и маньчжурской словесности Казанского университета, а далее был переведен на вновь основанный

Факультет восточных языков в университете в Санкт-Петербурге. В. П. Васильев стал одним из первых профессоров-китаистов, который осуществлял преподавание специальных по истории Китая. В 1886 г. он был избран академиком Императорской Академии наук. Статья основана на комплексе исторических методов. Ее материалы представляют интерес для исследователей китаеведов и историков развития востоковедения в России.

Ключевые слова: Востоковедение, Цинский Китай, Российская Империя, История Китая, буддизм, В. П. Васильев.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета и проектом РФФИ 17-01-00209 / 17 «Научное наследие русских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

Для цитирования: Валеев Р. М., Мартынов Д. Е., Дацышен В. Г. Василий Васильев как исследователь китайской истории. *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 20–35.

Введение

На этапе становления университетского китаеведения в России не только формировались разнообразные сведения и знания о народах и культуре Китая, органичной стала и образовательная и научная деятельность преподавателей и практиков. В XIX – начале XX вв. формировались институциональная система китаеведения, учебно-методические, научные и мировоззренческие принципы университетской работы синологов, и в целом были заметны тенденции и особенности его развития. Факты, события и наука о Китае являлись значимой составляющей российской академической и университетской ориенталистики.

В истории российского китаеведения особое место занимает Василий Павлович Васильев. На протяжении всей второй половины XIX в. он был движущим духом (*spiritus movens*) университетского китаеведения. В истории российской синологии следует выделить особый васильевский период (1840 – 1900 гг.).

В 1883 г. в университетской актовой речи «Современное положение Азии – китайский прогресс» В. П. Васильев пророчески отметил: «Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление

всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне” (Васильев, 1883).

Будучи лингвистом и профессором китайского языка В. П. Васильев был и крупнейшим специалистом по истории Китая, признанным исследователем истории Центральной и Восточной Азии. Он сам в автобиографии отмечал: “иначе я взглянул... на историю Китая” (Бартольд, 1977). Не случайно, уже при жизни В. П. Васильев был назван современниками «Нестором синологии».

Методы

Материалы статьи преимущественно основаны на применении биографического и критического методов. Использовались также историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Результаты

В. П. Васильев родился в Нижнем Новгороде, в семье мелкого чиновника, сына сельского священника. В 14 лет он окончил Нижегородскую гимназию и в 1834 г. поступил на медицинский факультет Казанского университета. Но судьба распорядилась иначе, в связи с тяжелым материальным положением В. П. Васильев добился перевода на восточное отделение философского факультета Казанского университета на казенное содержание. Таким образом, будущий академик учился на первой российской и европейской университетской кафедре монгольской словесности, открытой в 1833 г. В. П. Васильев не изучал в университете китайский язык, так как кафедра китайской словесности была открыта в Казанском университете лишь в 1837 г. В 1838 г. В. П. Васильев сдал выпускные экзамены по монгольскому и тибетскому языкам, истории монгольской литературы, буддизму, всеобщей истории и истории Востока.

Будущий академик уже в годы студенчества смог получить серьезные знания по истории Китая и Центральной Азии.

В первой половине – середине XIX века в казанском университетском востоковедении история и культура народов Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете сформировались и развивались монголоведе-

ние, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря трудам востоковедов – О. М. Ковалевского (1800 – 1878), А. В. Попова (1808 – 1865), архимандрита Даниила (1798 – 1871), И. П. Войцеховского (1793 – 1850), В. П. Васильева (1818 – 1900), П. Я. Петрова (1814 – 1875), Ф. Ф. Боллензена (род. ок. 1813 г.) и др. преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер. Были предприняты официальные меры начать изучение тибетского языка и письменности, новоиндийских языков. В частности, в апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г. Никитуева отмечалось, что “Россия приобретет ту славу, что ученые ее первые в Европе начнут разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка Тибетского” (Государственный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп.1. Д.4340. Л.3 об.). Выпускник В. Васильев стал первым, который должен был в Пекине изучить тибетский язык в составе духовной миссии в 1840 – 1850 г.).

Историю Китая исследовал первый заведующий кафедрой китайского языка и словесности архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов). Читал он историю студентам по «собственному конспекту», утвержденному Советом факультета. О содержании курса истории Китая этого преподавателя можно судить по его публикациям переводных работ в «Ученых записках Казанского университета». В годы работы в университете Даниил (Сивиллов) опубликовал такие работы, как: «Перевод с китайского языка из книги под заглавием “Драгоценное зеркало для просвещенного ума”»; «Всеобщая история Китая»; «Древняя история Китая». Следующий заведующий китайской кафедрой, О. П. Войцеховский (1793 – 1850), также сам читал лекции по истории Китая.

Оставленный в университете для приготовления к профессорскому званию В. П. Васильев был направлен в Пекин для продолжения изучения тибетского языка. Руководство Казанского университета в 1838 г. приняло решение “об отправлении в Пекин с будущей Духовною Миссиею трех воспитанников Казанского Университета, и именно кандидатура Васильева, для изучения

языков Тибетского и Санскритского; Навроцкаго, для языков Монгольского, Манджурскаго и Тюркестанскаго и Руско, для языка Китайскаго, с тем, чтобы они, по возвращении могли быть преподавателями тех языков в Университете”. Однако министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде разрешил отправить в Пекин лишь одного выпускника университета.

Российское правительство направляло В. П. Васильева в Китай учить тибетский язык. Но в «Наставлении отправляющемуся в Пекин Г. Васильеву» предписывалось особое внимание уделить изучению Китая. В этом документе, в частности, говорилось: “1. Казанский университет, отправляя своего воспитанника, Г. Васильева, в Пекин... имеет ввиду со временем приобрести в нем отличного преподавателя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии... Г. Васильев, не довольствуясь известными уже данными, обязан в местных рудниках отыскивать новые факты, которые могут подкрепить или объяснить прежние, или навести на совершенно новую точку зрения, потому что еще не все китайские летописи были рассмотрены ориенталистами... Г. Васильев должен себя утешать богатою жатвою на поприще истории... 5. После изучения языков первое место занимает изучение истории Тибета... 6. Но сочтется достойным усилий Г. Васильева, если он посвятит себя изучению истории образованности Индии, Китая и Тибета в разные годы их существования”. Профессор О. М. Ковалевский предписывал стажеру: “не ограничиваясь одною теориею языков, руководствует своих питомцев к практическому их употреблению, а объясняя историю и литературу важнейших азиатских народов”.

В. П. Васильев поехал в Китай в составе XII Духовной миссии во главе с архимандритом Поликарпом (Тугариновым). В ее состав были будущие выдающиеся исследователи Китая Гурий (Карпов) и Палладий (Кафаров). Кроме того, вместе с В. П. Васильевым приехали в Пекин В. В. Горский, А. А. Татаринов, И. И. Захаров, И. А. Гошкевич и другие. XII Российская духовная миссия выехала на родину летом 1850 г.

Во время пребывания в Пекине В. П. Васильев сформировался как китаевед. В китайской столице был сделан задел для будущих исследований по истории Китая. Молодой китаист привез из Пе-

кина в Казань большую коллекцию сочинений на китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском, калмыцком и санскритском языках, в количестве 849 названий в 2737 томах и 14447 тетрадах. На родине молодой китаевед возглавил китайско-маньчжурскую кафедру (1850 – 1855 гг.), и продолжил традицию изучения истории Китая. В своих лекциях Васильев сохранил разработанный им метод исторического исследования – идти от географии к истории, а от истории – к другим наукам и словесности.

Талант исследователя истории Китая В. П. Васильев смог раскрыть уже в Петербургском университете.

В 1851 – 1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь, 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (22 октября (ст. ст.), 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию ведущего университетского востоковедного центра в Санкт-Петербурге в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

В 1855 г. профессор В. П. Васильев, вместе с другими востоковедами, преподавателями и студентами, были переведены на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Тогда же были перевезены восточные фонды библиотеки Казанского университета. Профессор китайского языка В. П. Васильев возглавил кафедру китайского языка. При этом он стал и первым лектором оригинального учебного курса лекций по истории Китая и стран Центральной и Восточной Азии.

После переезда в Санкт-Петербург в 1857 г. выпускник Казанского университета и профессор столичного университета В. П. Васильев, выделяя значимость собранных восточных рукописей и книг, а также роли библиотечных фондов писал: “Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она привезена вся в целости недавно из Казани, по случаю... открытия в Санкт-Петербургском [университете] расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли место китайский, маньчжурский и монгольский. Следовательно, история нашей библиотеки, за исключением шкафов, вся принадлежит Казани” (Васильев, 1857)

В обобщающем исследовании по истории отечественного китаеведения говорится: “Преподавание восточных языков и китайской литературы Васильев совмещал с чтением лекций по истории Китая, придавая своим работам в этой области столь же важное значение, как и трудам по изучению буддизма... Основными разделами его курса были «первые времена китайской истории» (по XII в. до н. э.) и последующие исторические события в династийной хронологии от периода Western and Eastern Zhou (XII–III вв. до н. э.) до правящей (с 1644 г.) Китаем маньчжурской династии Qing”. В программе В. П. Васильева в курс лекций по литературе, например, входили такие разделы: “в) древнее образование в Китае, предшествовавшее конфуцианству; ...д) значение конфуцианства; е) жизнь Конфуция и история распространения его учения до первых времен ханьской династии включительно”. Следует отметить, что курс лекций В. П. Васильева по истории китайской и маньчжурской литературы, читавшийся полвека, не имел аналогов в мире, более того, нигде в западных университетах подобные курсы в то время не читались. С 1879 г. В. П. Васильев возобновил чтение курса истории Китая в Петербургском университете.

В своей работе профессор-китаевед опирался на богатую источниковую базу. В числе книг академика В. П. Васильева, сохранившихся в библиотеке Санкт-Петербургского университета сохранились: «Qingding Shu Jing chuanshuo huizuan. Высочайше утвержденный свод толкований “Книги историй” (“Shujing”)» 1730 г.; «Yupizi tongjiang angmu xubian. Высочайше утвержденное продолжение “Всеобщего зеркала, правлению помогающего”» 1708 г. издания; «Shengwuji. Записки о священных войнах» китайского историка XIX в. Вэй Юаня (1794 – 1857) 1842 г. издания, по военной истории Цинской династии; «Shiji. Исторические записки» и комментарии к «Shiji», а также много другой исторической литературы. Профессор В. П. Васильев уже не имел возможности поработать в Пекине, но он плодотворно сотрудничал с европейскими синологическими центрами. В 1870 г. русский китаевед изучал китайские, маньчжурские и тибетские фонды библиотек Вены, Мюнхена, Лондона и Берлина, встречался с известными европейскими учеными-синологами (Дуглас, Фицмайер, Саммерсон, Шат-

тали). В 1881 г. В. П. Васильев принял участие в работе V Международного конгресса ориенталистов в Берлине.

В 1864 г. В. П. Васильев защитил докторскую диссертацию «Сведения о маньчжурах во времена династий Yuan и Ming». В 1866 г. В. П. Васильев был избран членом-корреспондентом Академии наук. В январе 1886 г. состоялось «Постановление общего собрания АН об избрании Васильева ординарным академиком “по литературе и истории азиатских народов”».

Всю свою жизнь В. П. Васильев активно сотрудничал с различными организациями и учреждениями в части изучения Китая. Например, к нему обращались за консультациями и содействием для обработки китайских материалов сотрудники старейшего в Сибири Минусинского музея. В. П. Васильев пропагандировал идеи необходимости распространения знаний о Востоке в русском обществе. Об этом, в частности, говорит и его «Представление в факультет Восточных языков об издании журнала» с обоснованием необходимости издания специального востоковедного журнала в Санкт-Петербургском университете «Азиатское Обозрение». Однако инициатива В. П. Васильева не нашла поддержки.

Академик В. П. Васильев был членом различных общественных организаций. В 1887 г. он стал почетным членом Императорского Русского Археологического Общества. В. П. Васильев был так же членом Императорского русского географического общества, Общества востоковедов и других общественно-научных организаций.

Академик В. П. Васильев был в первую очередь филологом и религиоведом, однако, даже с учетом того, что большинство научных работ не были опубликованы, заметным был его вклад в дело изучения истории Центральной и Восточной Азии.

За долгие годы преподавания в университете В. П. Васильев подготовил много исследователей истории Китая. В работе по истории отечественного востоковедения отмечается: “Всячески поощряя интерес студентов к истории, Васильев стремился привить им навыки критического осмысления источников посредством анализа текстов (Sima Qian, Zhu Xi, Du Zhao, Wei Yuan и других китайских историографов). По его предложению студентом Л. Зыбиным в 1889 г. был выполнен частичный перевод на рус-

ский язык известной китайской летописи «Zizhi tongjian angmu». Многие исторические сюжеты, посвященные Центральной Азии включались в тематику курсовых студенческих работ”.

Ученик В. П. Васильева выпускник Иркутской гимназии студент М. Н. Суровцов первым сделал перевод «Liaoshi». Точнее, “это была первая и единственная попытка создать общий очерк истории этноса киданей на основе самого авторитетного источника – «Liaoshi» («История династии Liao»)). Выпускная дипломная работа, за которую М. Н. Суровцов в 1872 г. получил ученую степень кандидата, называлась «О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Liao до падения сей последней на Западе». Первым исследователем Chunqiu стал другой ученик В. П. Васильева – Н. Н. Монастырев.

Во второй половине XIX в. В. П. Васильев был признанным лидером всего российского китаеведения. Ведущие русские историки Китая во второй половине XIX в. неизменно указывали на его помощь и поддержку. В изданиях того времени были типичны такие замечания: “В заключение не могу не высказать глубокой признательности моему наставнику В. П. Васильеву, без содействия которого сочинение мое, за неимением средств, вероятно, не появилось бы в свет”.

Первые научные работы по истории Китая В. П. Васильев опубликовал уже после переезда в Санкт-Петербург. В 1857 г. были напечатаны «Описание Маньчжурии», где имелись сведения об истории этого региона, а также важный и интересный исторический источник – «Записка о Нингуге» начала XVIII в.

В 1859 г. в «Записках императорского Археологического общества» была опубликована фундаментальная работа В. П. Васильева «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джуржитах и Монголо-Татарах». Необходимость данной работы синолог объяснил во введении: “...между историей народов Средней Азии и эпохой Чингисхана находится пропуск на пространстве трех столетий, так что, читая историю древних народов мы находимся в неизвестности, что с ними сделалось впоследствии, и от того самое выступление на историческом поприще

Монголов представляется в каком-то полумраке”. В. П. Васильев отмечает, что многие пробелы в знании истории вызваны отсутствием переводов официальных историй династий Liao и Jing, он пишет: “мы решились, по возможности, пополнить сказанный недостаток, если не изданием перевода оригинальных сочинений, то, по крайней мере, очерком главного их содержания. Сверх того, мы считаем излишним присоединить к этому краткому обзору небольшие статьи... что написаны частными лицами, жившими недалеко от описываемой ими эпохи”.

Первая часть исторического исследования В. П. Васильева, «История Киданей», начинается со следующего: “Название Киданей (Qidan) является в первый раз при династии Tuoba или Nan-Wei. По словам «Liaodongzhi» («Описание Liaodong»), приводимых в «Wudaishijizhu» (LXXII, 3), при конце пяти династий Кидане назывались еще Taiyan Qidan...”. По тексту выделяются следующие разделы: «Прибавление к истории Киданей (Из Qidanguozhi, XXII)», «Прибавление о Shiwei», «Прибавление о Xia», «Дорожник Huqiao», «Падение Цзиньской династии» (Jing) и т.д. В своей работе В. П. Васильев выдвигает собственные решения спорных вопросов, например, он пишет: “Мнение наше о происхождении названия Монгол разнится от толкований, принятых другими”. В конце основной части дается следующее заключение: “Мы набросали лишь, в общем обозрении истории Средней Азии, главные данные, которые необходимо иметь перед глазами при дальнейших исследованиях; а эти исследования найдут для себя материалы во множестве других источников, которые мы оставляем нетронутыми”. В «Приложении» к основному тексту даны переведенные В. П. Васильевым еще в Пекине “краткие статьи о Киданях, Чжурчжэнях и Монголах, помещенные в китайском сборнике «Gujin shuohai». Сборник этот составлен при Минской династии, в 1544 году, каким-то Lu-ji...”. Самым старым из приложенных текстов была работа ученого эпохи Сун (Song) Ye Longli 1179 г. под названием «Qidanguozhi». Таким образом, исследование В. П. Васильева не только освещало белые пятна истории, но обозначило качественно новый этап в развитии дореволюционной российской историографии истории Китая.

Фундаментальная монография В. П. Васильева «История и древности Восточной части Средней Азии...» была и остается огромным вкладом синоведа в мировую науку. Советские историки отмечали: “Труд Васильева – это извлечения из китайских официальных историй «Liu-shi» («Liao-shi»), «Jing-shi», «Yuan-shi» и частных летописей. Чтобы сделать его доступным массовому читателю, Васильев приводит текст не дословно, как это делал Бичурин, а давал пересказ, близкий к подлиннику, снабжая его своими критическими пояснениями и дополнениями. Работа была высоко оценена современниками”. Важной составляющей общей картины исторических исследований В. П. Васильева стали «Описание Маньчжурии» и «Записка о Нингуте».

Все исторические исследования В. П. Васильева были выполнены на основе переводов самых разных исторических сочинений, от «zhengshi» и «zizhitongjian» до «tongzhi» и различных частных сочинений. Исследователь Г. Я. Смолин писал, что интересы его “с самого начала не ограничивались лишь источниками письменными. Речь может идти, в частности, о таких объектах этих штудий, как памятники вещественные... Речь может идти также о данных языка как носителя познавательно-исторической информации”. В качестве исторического источника В. П. Васильев привлек также разные материальные памятники. В 1854 г. синолог систематизировал и описал коллекцию китайских монет, 1113 штуки, неоднократно обращался синолог к китайской эпиграфике. Будучи исследователем, В. П. Васильев особое внимание уделял критике исторического источника. Его ученики отметили, что он был “один из первых, если не первый европейский ученый, который относился с серьезной критикой к китайским источникам и текстам”. Исследователи особо подчеркивают: “Источниковедческие изыскания проходят красной нитью сквозь всю дальнейшую творческую деятельность В.П. Васильева-синоведа”.

Обсуждение

В российской историографии вклад В. П. Васильева в изучение истории Китая отмечался не часто. Хотя уже в 1918 г. в «Известиях Российской Академии наук» была опубликована статья об исторических трудах первого русского академика-синоведа. В. В. Бартольд писал: “Гениальный исследователь Дальнего Восто-

ка... придавал своим трудам по истории Китая такое же значение, как трудам по изучению буддизма” (Бартольд, 1977). Но первый советский академик-синолог В. М. Алексеев, назвавший В. П. Васильева “изжившим себя к концу жизни могикинином” (Rudova, Alekseev, 1988). не уделял серьезного внимания своему предшественнику, как историку Китая. Патриарх российского китаеведения писал: “Как известно, с учебником китайской истории доселе дело обстоит плачевно... нужда в таком учебнике большая, особенно для русских читателей, ибо на их языке, если не упоминать бесконечно устарелых, да и ничтожных самих по себе, очерков Авенариуса, Тужилина и рукописных переводов Иакинфа, это дело еще и вовсе не предпринималось”. Автор фундаментального исследования, «Очерки истории русского китаеведения», П. Е. Скачков, закрепил сложившуюся традицию признания формирования «национальной китаеведческой школы» В. П. Васильевым. Много внимания этому китаеведу уделяется фундаментальной работе В. Н. Никифорова «Советские истории о проблемах Китая».

В современный период в российской ориенталистике научная биография В. П. Васильева привлекает внимание многих исследователей. Однако специальных работ, посвященных вкладу этого сиолога в изучение истории, пока недостаточно. Среди исследователей можно отметить петербургского китаиста Г. Я. Смолина, утверждавшего: “Многочисленные опубликованные, а также насчитывающие едва ли не в двое большем количестве оставшиеся неизданными... труды В. П. Васильева – сиолога способны дать наглядное представление о его огромной и плодотворной работе над самыми различными источниковедческими темами и сюжетами... ”.

В западной синологии заметно возрастает интерес к наследию В. Васильева как историка Китая, буддийских и мусульманских регионов Центральной и Восточной Азии (Бонгард-Левин, Вигасин, 1984; Brophy, 2016; Israeli, 2002; Lim, 2013; Taveirne, 2004; Voskresenskiĭ, 1998; Walravens, 2009).

Выводы

Таким образом, выдающийся российский китаевед стал крупнейшим исследователем истории средневекового и нового Китая. Но потомки редко обращаются к богатому научному наследию си-

нолога. Отечественные китаеведы отмечают: “Трагедия В. П. Васильева как ученого... опередившего свое время в условиях, когда для развития этого успеха еще не было достаточно подготовленной почвы, усугублялось тем, что он, несмотря на все его усилия, так и не сумел воспитать равных себе преемников, создать полноценную научную школу русской синологии... Ученики В. П. Васильева не только не опередили своего учителя... но просто не достигли его уровня”. Несмотря на признание В. П. Васильева современниками, советские историки мало обращались к переводам академика В. П. Васильева из династийных историй. Российский академик Б. Я. Владимирцов, бывший воспитанник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, писал: “в нашем распоряжении нет даже переводов официальных китайских династийных историй «Yuan-shi» и «Ming-shi»”.

Выдающийся российский ученый С. Ф. Ольденбург писал о В. П. Васильеве: “Жизнь его сложилась особенно, на всей ней лежит отпечаток его яркой, своеобразной личности; Василий Павлович дал очень много русскому востоковедению и востоковедению вообще, его имя навсегда занесено в историю науки, и если, тем не менее, я решаюсь назвать его жизнь драмой ученого, то делаю это потому, что убежден, что самое важное, самое ценное из работы Васильева не увидело света и при том не по его вине” [С. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму 1918 – 1919 гг. // Азиатский сборник. Из известий Российской Академии наук. 1918. Петроград, 1918. С. 531 – 548].

Заключение

Работы В. П. Васильева стали неотъемлемой частью современной историографии древней, средневековой и новой истории Китая, на них обязательно указывали последующие за ним российские китаеведы. Например, в работах С. М. Георгиевского нередко встречаются ссылки на мнение В. П. Васильева.

Литература

Бартольд В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева, Опера «Омния», т. IV 9: «Работы по истории востоковедения». Москва: «Наука», 1977, с. 619-628.

Бонгард-Левин Г. М., Вигасин А. А. Образ Индии: изучение древнеиндийской цивилизации в СССР. Москва: «Прогресс». 1984, с. 270.

Васильев В. П. Современное положение Азии – китайский прогресс. Санкт-Петербург, 1883, с. 22.

Васильев В. П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857, т. 11, № 7, с. 322.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII века-1917). Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 1993, с. 448.

Brophy D. Uyghur Nation. Harvard University Press, 2016. 361 pp.

Israeli R. Islam in China: Religion, Ethnicity, Culture, and Politics. Lexington Books, 2002. 339 pp.

Lim S.S. China and Japan in the Russian Imagination, 1685-1922: To the Ends of the Orient. London: Routledge, 2013. 223 pp.

Rudova M., Alekseev V. Chinese popular prints. Aurora Art Publishers, 1988. 214 pp.

Taveirne P. Han-Mongol Encounters and Missionary Endeavors: A History of Scheut in Ordos (Hetao) 1874-1911. Leuven University Press, 2004. 684 pp.

Voskresenskii A.D. Russia, China and Eurasia: A Bibliographic Profile of Selected International Literature. Nova Science, 1998. 209 pp.

Walravens, H. “Vasilij Pavlovič Vasil’ev (1818–1900) Zu Leben und Werk des russischen Sinologen”, Oriens Extremus, vol. 48, pp. 199–249, 2009.

Сведения об авторах:

Валеев Рамиль Миргасимович – Казанский Федеральный Университет; valeev200655@mail.ru;

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – Казанский Федеральный Университет; dmitrymartynov80@mail.ru;

Дацышен Владимир Григорьевич – Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия

Vasily Vasiliev as a researcher of Chinese history

Valeev R. M., Martynov D. Ye., Datsyshen V. G.

Summary

The scale of the personality and creative heritage of V. P. Vasilyev, his outstanding role in the development of Russian and European Sinology in many ways clearly and dramatically appreciated by his colleagues and modern researchers. Unfortunately, today there is no fundamental academic monographic work dedicated to academician V. P. Vasiliev. Also, the preserved manuscript heritage of Kazan, Beijing and St. Petersburg periods of its activity has not been fully revealed, systematized and put into scientific circulation. On the basis of various materials, it is important to pay tribute to the memory of V. P. Vasilyev, who continued the Russian tradition of serving the science of the history and culture of the peoples of China, in the year of his 200th anniversary.

The article is devoted to the heritage of V. P. Vasilyev (1818 – 1900) as a historian of China. The volume of its heritage is so great and original that it was not fully demanded by the Russian and European Sinology. Vladimir Vasiliev in 1838 he graduated from the Oriental Department of the University of Kazan in 1839, he defended a thesis on Mongolian Buddhism. In 1840 – 1850 he was in Beijing as a part of Orthodox spiritual mission. After his return, in 1850 – 1855 he held the position of head. Department of Chinese and Manchurian literature of Kazan University, and then was transferred to the newly founded faculty Of Oriental languages at the University in St. Petersburg. V. P. Vasilyev became one of the first professors-sinologists, who carried out the teaching of special on the history of China. In 1886 he was elected academician of the Imperial Academy of Sciences. The article is based on a set of historical methods. Its materials are of interest to researchers of sinologists and historians of the development of Oriental studies in Russia.

Keywords: Oriental Studies, Qing China, Russian Empire, History of China, Buddhism, V. P. Vasiliev.

Acknowledgments: The work was carried out in accordance with the state program for improving the competitiveness of Kazan Federal University and the RFBR project 17-01-00209 / 17 “The Scientific Heritage of the Russian Orientalists of the XIX Century: O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev”.

References

Bartold V. V. *Istoricheskiye i geograficheskiye trudy V. P. Vasilyeva*, Opera «Omniya», t. IV 9: «Raboty po istorii vostokovedeniya». Moskva: «Nauka», 1977, s. 619-628.

Bongard-Levin G. M., Vigasin A. A. *Obraz Indii: izucheniye drevneindiyskoy tsivilizatsii v SSSR*. Moskva: «Progress». 1984, s. 270.

Brophy D. *Uyghur Nation*. Harvard University Press, 2016. 361 pp.

Israeli R. Islam in China: Religion, Ethnicity, Culture, and Politics. Lexington Books, 2002. 339 pp.

Kulikova A. M. Vostokovedeniye v rossiyskikh zakonodatelnykh aktakh (konets XVII veka-1917). Sankt-Peterburg: «Peterburgskoye Vostokovedeniye», 1993, s. 448.

Lim S.S. China and Japan in the Russian Imagination, 1685-1922: To the Ends of the Orient. London: Routledge, 2013. 223 pp.

Rudova M., Alekseev V. Chinese popular prints. Aurora Art Publishers, 1988. 214 pp.

Taveirne P. Han-Mongol Encounters and Missionary Endeavors: A History of Scheut in Ordos (Hetao) 1874-1911. Leuven University Press, 2004. 684 pp.

Vasilyev V. P. Sovremennoye polozheniye Azii – kitayskiy progress. Sankt-Peterburg, 1883, s. 22.

Vasilyev V. P. Zapiska o vostochnykh knigakh v S.-Peterburgskom universitete // Russkiy vestnik. 1857, t. 11, № 7, s. 322.

Voskresenskiĭ A.D. Russia, China and Eurasia: A Bibliographic Profile of Selected International Literature. Nova Science, 1998. 209 pp.

Walravens, H. “Vasilij Pavlovič Vasil’ev (1818–1900) Zu Leben und Werk des russischen Sinologen”, Oriens Extremus, vol. 48, pp. 199–249, 2009. (In German)

About the authors

Valeev Ramil – Kazan Federal University; valeev200655@mail.ru

Martynov Dmitry – Kazan Federal University, dmitrymartynov80@mail.ru;
Kazan, Russia

Datsyshen Vladimir – Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Дата поступления 21.06.2019

УДК 94(5)

Монгольские и китайские дневники Осипа Ковалевского (1828–1833)

И. В. Кулганек,

*Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Р. М. Валеев,

valeev200655@mail.ru

*Казанский Федеральный Университет,
г. Казань, Россия*

Д. Е. Мартынов,

dmitrymartynov80@mail.ru

*Казанский Федеральный Университет,
г. Казань, Россия*

В. Ю. Жуков

*Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена научному наследию Осипа Ковалевского (1800–1878) – польского и русского ученого. Получив образование антиковеда в Вильнюсском университете, Ковалевский участвовал в польском освободительном движении и был сослан в Казань. Изучив восточные языки, в 1828 – 1832 гг. Ковалевский был направлен в экспедицию в Забайкалье и Монголию, а также провел 7 месяцев в Пекине. Помимо множества научных трудов, включая первые исследования монгольского буддизма и трехтомного монгольско-русско-французского словаря, Ковалевский оставил большое количество дневниковых записей. Материалы, относящиеся к поездке из Кяхты в Пекин и обратно, были опубликованы только в 2005 г. В статье использован биографический и источниковедческий методы. Анализ содержания дневников О. Ковалевского свидетельствует, что ему как учёному были присущи самостоятельность, системность, реалистичность, конкретность и критичность мышления. Ковалевский не впадает в идеализацию и мифологизацию образа Монголии и Китая. Материалы статьи представляют интерес

для востоковедов-историков, лингвистов, культурологов, изучающих народы Центральной Азии.

Ключевые слова: Востоковедение, монголоведение, буддизм, Осип Ковалевский, Казанский университет.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета и проектом РФФИ 17-01-00209 / 17 «Научное наследие русских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

Для цитирования: Кулганек И. В., Валеев Р. М., Мартынов Д. Е., Жуков В. Ю. Монгольские и китайские дневники Осипа Ковалевского (1828–1833). *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 36–45.

Введение

Осип Михайлович Ковалевский (Józef Szczepan Kowalewski) (1800–1878) – выдающийся российский и польский востоковед, ставший во главе монголоведной школы в России, прекрасный знаток культуры, религии и истории монголоязычных народов, организатор высшего образования и науки, ректор Императорского Казанского университета, декан историко-филологического факультета Варшавского университета. Член-корреспондент Петербургской Академии наук, действительный член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, Почетный член Азиатского общества в Париже, Королевского датского общества северных антиквариеров в Копенгагене, Виленской археографической комиссии и Казанского университета, лауреат Демидовской премии для ученых, О. М. Ковалевский был филологом и историком, антиковедом и востоковедом-буддологом, одним из основоположников научного монголоведения и буддологии в России. Значительная часть рукописного наследия, а также рукописных книг и ксилографов, собранных им в Бурятии, Монголии и Китае, сосредоточена в Санкт-Петербурге (Валеев, Ермакова, Кулганек, 2004) (Валеев, Кулганек, Тулисов, 2011). Крупнейшим из учеников Ковалевского был Василий Павлович Васильев (Walravens, 2009).

Методы

Рукописное наследие ученого хранится в библиотеке Вильнюсского университета (Литва), архивах Варшавы, Москвы, Иркутска, Казани, Улан-Удэ, а также в научных учреждениях и библиотеках Санкт-Петербурга: в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) (Ф. 29), С.-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 2. Оп. 1. 1839. Д. 12), Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Ф. 733. Оп. 40. Д. 318; Оп. 41. Д. 86; Оп. 42. Д. 5, 162; Оп. 43. Д. 78), Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького (ОРКиР НБ) СПбГУ (№ 567, 568. Папки 1, 2), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) (Пост. 1927. № 149). В Архиве востоковедов ИВР РАН в личном фонде О. М. Ковалевского имеется 29 дел. В основном это материалы, связанные с начальным периодом его деятельности, в первую очередь – с поездками в 1820–1830-х гг. в Бурятию и Китай. Среди них отчеты, планы, записки, списки приобретенных этнографических и культовых предметов.

Обширная коллекция О. М. Ковалевского из 189 книг на монгольском, маньчжурском, тибетском и китайском языках хранится в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета). В этой коллекции собраны почти все книги, которые печатались тогда в Китае для монголов. Составленный Ковалевским «Каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям...» вошел в анналы мирового востоковедения.

Книги, ксилографы и рукописи народов Центральной Азии, собранные О. М. Ковалевским и А. В. Поповым и хранящиеся в настоящее время главным образом в Санкт-Петербурге (рукописный фонд ИВР РАН и библиотека Восточного факультета СПбГУ и др.), стали важной источниковой базой российского востоковедения (Валеев, Кульганек, 2005-2006).

Результаты

Авторами проанализированы два дневника О. М. Ковалевского, относящиеся ко времени его путешествия в составе Российской духовной миссии: первый он вел по дороге в Китай, второй – на обратном пути из Пекина в Кяхту.

Первый дневник находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (Ф.100. Оп.2. Дело 612). Его содержание охватывает только часть пути Миссии, а именно с того момента, когда она, покинув Угру, направилась на юг.

Несколько страниц дневника занимают переводы газетных статей, пересказы бесед с членами предыдущей Миссии о нравах, обычаях, истории, культуре китайцев, рассказы о встречах с чиновниками, торговцами и простолюдинами Пекина, записи о наблюдениях на улицах города.

О. М. Ковалевский строго следует инструкции, составленной профессорами Казанского университета В. Я. Булыгиным и Ф. И. Эрдманом, данной ему перед отправкой в путешествие. В первой части ее указывалось на необходимость вести подробнейший дневник передвижений и занятий. Он должен был записывать все, что замечено было “важного или неважного в течение дня”; а также “обращаться ласково с тамошними жителями, внимательно вникать в догматическую, этическую и абстрактную части местной религии, приобретать новые познания в отношении национального характера, народных преданий, понятий о строении мира”.

В дневнике есть записи о политическом и административном устройстве Монголии, входившей в Цинскую империю (1644–1911 гг.). В них содержатся сведения о количестве скота, способах выпаса, социальном и материальном положении населения, степенях образования; есть интересные замечания о фонетических особенностях чахарского, халхаского, ордоского диалектов. Есть указания на проведение топографической съемки; имеются сведения о многих бытовых реалиях жизни бурят, монголов и китайцев того времени: отшельничестве, монастырском образовании, караванной торговле.

Несомненный интерес представляют записи, содержащие сведения, почерпнутые из разговоров с местным населением или с людьми, бывавшими в этих местах. Например, он скрупулезно фиксирует, что “в Урге при кумирнях печатается много книг, тибетских и монгольских, не токмо богословского содержания, но и медицинского и повествовательного”.

Наиболее ценны тщательные описания собственных наблюдений Ковалевского за жизнью народа, в частности об образовании.

Дневник подробно описывает места, по которым проходил путь Духовной миссии: стоянки, кумирни, монастыри, города, крепости, урочища, а также содержит описание посещений Русского подворья несколькими высокопоставленными китайскими особами, такими как Минжургеген – племянник Хамбо-ламы; ответные визиты миссионеров; посещение католического священника из Португалии.

Прожив в Пекине семь месяцев, О. М. Ковалевский вернулся в Россию с предыдущим, десятым, составом Российской духовной миссии, путь которой пролегал по той же самой Дарханско-Аргалинской дороге. На обратном пути из Пекина в Кяхту, который продолжался с 6 июня до 3 сентября 1831 г., он также вел дневник.

Второй дневник представляет собой не отдельную тетрадь, а имеет вид толстого тома, озаглавленного О. М. Ковалевским польски: «Dziennikzatrudnien. 1830-1831», что означает «Дневник занятий», и путевые заметки входят туда составной частью. В настоящее время он хранится в Национальном архиве Республики Татарстан (Ф.10, Оп 5. Дело 843). Это автограф на польском, русском, французском, английском, немецком и старомонгольском языках объемом 161 лист, объединяющий разнородный материал.

Кроме путевых заметок в дневнике излагаются также его собственные научные теории, догадки, соображения по поводу различных филологических проблем монголоведения и тибетологии, например о «монгольских письменах» (л. 140-142 об.); о буддийском сочинении «Мани Гамбу» (л. 143); выписки из журнала «Северная пчела» за 1832 г. о кяхтинской торговле и по Китаю – из европейских сочинений (л. 157-158 об.); заметки о самих путешественниках (л. 144-148); приведены слова песен, записанных им во владениях Цэцэн-хана 10 августа 1831 г. и в халхаских владениях Ноин-хутухту 5 августа 1831 г. (л. 155-155 об.).

Дневник, который вел О. М. Ковалевский на обратном пути, возвращаясь домой с X Российской духовной миссией, отличается большей краткостью, чем первый – по дороге в Пекин. В дневниках путешествия из Пекина в Кяхту, как и в дневниках из Кяхты в Пекин, мы находим самые разнообразные географические, адми-

нистративные, политические, социальные, хозяйственные и историко-культурные сведения о Китае и Монголии.

Обсуждение

Во всех путевых заметках российских путешественников, начиная с одной из первых сохранившихся «рописей» о посольстве в Китай Ивана Петлина (1618 г.) и до дневников О. М. Ковалевского (1830–1831 гг.), прослеживаются единство и преемственность в подходе к материалу как к научному и просветительскому источнику. Российский читатель того времени находил в подобных трудах разнообразный, интереснейший материал с описанием этнографии, истории и культуры народов Центральной и Восточной Азии. К сожалению, большинство отечественных историко-культурных памятников такого рода в течение долгого времени публиковалось только на европейских языках, русскоязычной любознательной публике они стали доступны в значительно более позднее время (Андреева, 2007), (Чернорутская, 1997, с. 22), (Массон, 2005, с. 340). В современной историографии наследие О. М. Ковалевского становится все более востребованным и иногда рассматривается с очень оригинальных позиций (Tarling, 2015, с. 84), (Цыремпилов, 2013, с. 4).

Выводы

Некоторые письма и отчеты О. М. Ковалевского, касающиеся начального этапа пути в Китай, регулярно посылались им попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, были напечатаны в «Российских академических ведомостях». В них содержались нелицеприятные слова в адрес цинского правительства: взяточничество, воровство чиновников, давление на подчиненные народы, содержание народов в нищете, недоброжелательность ко всему иностранному. Попадали в них и сведения, которые могли скомпрометировать Миссию, например, о проводившейся топографической съемке во время движения Миссии и нахождении в составе Миссии наряду с казаками нескольких ученых. После появления одного из таких отчетов директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин пишет письмо министру просвещения К. А. Ливену, кроме того, он связывается с почт-директором и генерал-губернатором Восточной Сибири, чтобы они предприняли действия, препятствующие проникновению в Кяхту этого номера

«Российских академических ведомостей» с отчетом О. М. Ковалевского за декабрь 1830 г. Обеспокоенность Азиатского департамента МИД России объяснялась боязнью негативного резонанса со стороны китайских властей на критику в их адрес (Схиммельпенник, 2010, с. 111–117).

Во время своего путешествия О. М. Ковалевский проявлял интерес не только к истории и природе Центральной Азии, но и к культуре населяющих ее народов. Перед нами записи внимательного и наблюдательного ученого и в то же время отзывчивого человека. Самостоятельность, системность, реалистичность, конкретность и критичность – это наиболее характерные черты его дневников. Ковалевский не впадает в идеализацию и мифологизацию образа Монголии и Китая, что имело место в иных, более ранних и даже более поздних историографических и источниковедческих материалах других исследователей о народах и культурах этих стран.

Дневники О. М. Ковалевского представляют собой яркий образец замечательной традиции путевых заметок в монголоведении и китаеведении XIX в., вобравший в себя огромный опыт его предшественников – путешественников и исследователей, оставивших после себя записи, наброски, доклады, статейные списки, дневники и так называемые «рописи» – отчеты об увиденном в странах, которые они посетили. Все эти материалы освещают историю прямых российско-китайско-монгольских связей и являются свидетельством непрерывного политического, социального и научного познания Россией наследия Китая и Монголии.

Заключение

Дневники О. М. Ковалевского являются ценным документом по географии, истории и культуре Монголии и Китая первой половины XIX в., а также важным источником отечественных географических, этнографических, исторических, лингвистических и культурологических сведений о народах Центральной и Восточной Азии. Публикация дневников, предпринятая в 2005-2006 гг. (Валеев, Кульганек, 2005-2006) позволяет сравнить их с материалами других путешественников и ученых, совершивших поездки по Монголии и Китаю в разное время и с разными целями.

Материалы дневников О. М. Ковалевского, содержащие ценные сведения об общественно-политической обстановке, состоянии культуры и хозяйства Монголии и Китая первой половины XIX в., представляют большой интерес не только востоковедов-историков, лингвистов, культурологов, изучающих народы Центральной Азии, но и широкого читателя, кому интересна духовная жизнь России прошлых веков, а также история российско-монгольских и российско-китайских отношений.

Литература

Андреева Е. Россия и Иран в Большой Игре: Отчеты путешественников и ориентализм. Лондон, Нью-Йорк: «Routledge», 2007, с. 274.

Валеев Р. М., Ермакова Т. В. Кульганек И. В. и др., Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878). Казань: «Алма-лит», 2004, с. 288.

Валеев Р. М.; Кульганек И. В. (ред.) Россия-Монголия-Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского: 1830-1831. Казань: «Taglimat», 2005-2006, с. 172.

Массон В. М.: Дани, Ахмад Хасан (ред.). История цивилизаций Центральной Азии: к современному периоду: с середины девятнадцатого до конца двадцатого века. ЮНЕСКО, 2005, с. 1033.

Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм: Азия в русском сознании от Петра Великого до эмиграции. New Haven & London, Yale University Press, 2010. 288 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и Империя: Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX века). ИМБТ, 2013. 335 с.

Чернорутская Л. И. 300 лет Востоковедению в России: имперский, советский и постсоветский периоды. Москва, Институт Востоковедения РАН, 1997, с. 114.

Tarling, N. *Orientalism and the Operatic World*. Lanham [etc.]: Rowman & Littlefield, 2015. 354 pp.

Valeev, Ramil M.; Kulganek, Irina V.; Tulisov, Jerzy. Professor O. M. Kowalewski: Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks // *Acta Orientalia Vilnensia*, vol. 10, № 1-2. Vilnius, 2011. Pp. 29–56.

Walravens, H. Vasilij Pavlovič Vasil'ev (1818–1900) Zu Leben und Werk des russischen Sinologen // Oriens Extremus. vol. 48, 2009. Ss. 199–249.

Сведения об авторах:

Кулганек Ирина Владимировна – Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук, Санкт-Петербург, Россия;

Валеев Рамиль Миргасимович – Казанский Федеральный Университет; valeev200655@mail.ru

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – Казанский Федеральный Университет; dmitrymartynov80@mail.ru

Жуков Вадим Юрьевич – Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук, Санкт-Петербург, Россия.

Mongolian and Chinese diaries of Osip Kovalevsky (1828-1833)

Kulganeck I. V., Valeev R. M., Martynov D. E., Zhukov V. Yu.

Summary

The article is devoted to the scientific heritage of Osip Kovalevsky (1800-1878) – Polish and Russian scientist. Having been educated as an anti-historian at Vilnius University, Kovalevsky participated in the Polish liberation movement and was exiled to Kazan. Having studied Eastern languages, in 1828 – 1832 Kovalevsky was sent on an expedition to Transbaikalia and Mongolia, and spent 7 months in Beijing. In addition to many scientific works, including the first study of Mongolian Buddhism and three-volume Mongolian-Russian-French dictionary, Kovalevsky left a large number of diary entries. Materials related to the trip from Kyakhta to Beijing and back were published only in 2005. The article uses biographical and source study methods. Analysis of the content of O. Kovalevsky's diaries shows that as a scientist he was characterized by independence, consistency, realism, specificity and criticality of thinking. Kovalevsky does not fall into the idealization and mythologization of the image of Mongolia and China. The materials of the article are of interest to Orientalists-historians, linguists, culturologists studying the peoples of Central Asia.

Keywords: Oriental Studies, Mongolian studies, Buddhism, Osip Kovalevsky, Kazan University.

Acknowledgments: The work was carried out in accordance with the state program for improving the competitiveness of Kazan Federal University and the RFBR project 17-01-00209 / 17 “The Scientific Heritage of the Russian Orientalists of the XIX Century: O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev”.

References

Andreeva E., Rossiya i Iran v Bolshoy Igre: Otchety puteshestvennikov i oriyentalizm. London, Nyu-York: «Routledge», 2007, s. 274.

Chernorutskaya L. I. 300 let Vostokovedeniya v Rossii: imperskiy, sovetkiy i postsovetkiy periody. Moskva, Institut Vostokovedeniya RAN, 1997, s. 114.

Masson V. M.: Dani, Akhmad KHasan (red.). Istoriya tsivilizatsiy TSentralnoy Azii: k sovremennomu periodu: s serediny devyatnadsatogo do kontsa dvadtsatogo veka. YUNESKO, 2005, s. 1033.

Skhimmelpennink van der Oye D., Russkiy oriyentalizm: Aziya v russkom soznanii ot Petra Velikogo do emigratsii. New Haven & London, Yale University Press, 2010, s. 288.

Tarling, N. Orientalism and the Operatic World. Lanham [etc.]: Rowman& Littlefield, 2015. 354 pp.

Tsyrempilov N. V., buddizm i Imperiya: Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII – nachalo XX veka). IMBT, 2013, s. 335 (4).

Valeev R. M., Yermakova T. V., Kulganek I. V. i dr., Mongoloved O. M. Kovalevskiy: biografiya i naslediyе (1801-1878). Kazan: «Alma-lit», 2004, s. 288.

Valeev R. M.; Kulganek I. V. (red.), Rossiya-Mongoliya-Kitay: Dnevnik mongoloveda O. M. Kovalevskogo: 1830-1831. Kazan: «Taglimat», 2005-2006, s. 172.

Valeev, Ramil M.; Kulganek, Irina V.; Tulisov, Jerzy Professor O.M. Kowalewski: Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks // Acta Orientalia Vilnensia, vol. 10, № 1-2. 2011. Pp. 29–56

Walravens, H. Vasilij Pavlovič Vasil'ev (1818–1900) Zu Leben und Werk des russischen Sinologen? // Oriens Extremus, vol. 48. 2009. Ss. 199–249.

About the authors:

Kulganek Irina – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Valeev Ramil – Kazan Federal University, Kazan, Russia; valeev200655@mail.ru

Martynov Dmitry – Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmitrymartynov80@mail.ru

Zhukov Vadim – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Дата поступления 22.05.2019

УДК 94(5)

Переписка О. М. Ковалевского с сибирской интеллигенцией (1828–1833)

И. В. Кулганек,

*Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук,
г. Санкт-Петербург, Россия*

О. Н. Полянская,

*Бурятский Государственный Университет,
г. Улан-Удэ*

Валеев Р. М.,

valeev200655@mail.ru

*Казанский Федеральный Университет,
г. Казань, Россия*

Д. Е. Мартынов

dmitrymartynov80@mail.ru

*Казанский Федеральный Университет,
г. Казань, Россия*

Аннотация

Статья посвящена переписке Осипа Ковалевского с сибирскими интеллигентами – русскими и бурятами, во время его научной экспедиции в Забайкалье и Монголию в 1828 – 1832 гг. и после ее окончания. Ковалевский был командирован для изучения монгольского и тибетского языков в перспективе открытия в Казанском университете кафедры монгольского языка – первой в Европе – которую он возглавил в 1833 г. Переписка содержит сведения о монголоязычных народах, особенно интересно и многогранно в них представлены забайкальские буряты. Из писем мы узнаем имена общественных, религиозных деятелей из бурят, сибирской интеллигенции, которые оказывали всяческое содействие О. Ковалевскому в изучении монгольского языка, в собирании восточных рукописей, а также монгольского фольклора. В основу методологии данной статьи положены базисные принципы современной исторической науки: историзм, проблемно-хронологический, структурно-функциональный, ретроспективный, антропологический методы. Материалы статьи представляют интерес для исследователей культуры

Бурятии и Монголии 19 века, развития российского востоковедения и Восточного разряда Казанского университета.

Ключевые слова: О. М. Ковалевский, Россия, Восточная Сибирь, внутренняя Азия, Монголия, монголоязычные народы России, монголоведение, Казанский университет.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета и проектом РФФИ 17-01-00209 / 17 «Научное наследие русских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев».

Для цитирования: Кулганек И. В., Полянская О. Н., Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. Переписка О. М. Ковалевского с сибирской интеллигенцией (1828-1833). *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 46–57.

Введение

Первая половина XIX века для России – этап формирования российской школы востоковедной науки. В начале XIX века монголоведение в России носило зачаточный характер. Академик И. Я. Шмидт был одним из немногих российских ученых-востоковедов, приступивших к изучению монгольского языка. До конца 20-х годов XIX века монголоведение представляло собой разрозненные сведения о неизвестном монгольском мире. Благодаря ряду выдающихся ученых российских университетов и Академии наук, таких как О. М. Ковалевский, А. В. Попов, И. Я. Шмидт, монголоведение становится на научную основу. Создание первой в Европе кафедры монгольского языка (1833) во главе с профессором О. М. Ковалевским в Казанском университете свидетельствовало о наличии долгосрочных перспектив развития данного направления науки. Однако, при организации кафедры университет столкнулся с существенной трудностью – отсутствием специалистов и в России, и в Европе. В России были лишь переводчики с монгольского языка, но они не имели специального образования, и, как правило, соответствующей научной и методической подготовки. Совет университета, по предложению ректора Н. И. Лобачевского, решил готовить своих специалистов по монгольской филологии. Изучавших восточные языки О. Ковалевского (персидский и татарский) и А. Попова (арабский и персидский) отправили в Восточ-

ную Сибирь, где находились знатоки монгольского языка и, самое главное, проживали буряты, говорящие на одном из монгольских языков. Почти пять лет (1828 – 1833) О. М. Ковалевский провел в Сибири, включая поездки в Монголию и Китай. Из них четыре года Осип Михайлович жил в Забайкалье среди бурят (Полянская, 2001; Valeev, Kulganek, Tulisov, Jerzy, 2011).

Методы

В основу методологии данной статьи положены базисные принципы современной исторической науки: историзм, проблемно-хронологический, структурно-функциональный, ретроспективный, антропологический методы и др. Эти методы позволяют осветить становление научного в России и Европе на определенном историко-научном и хронологическом этапе развития; изучить комплексный массив опубликованных и неизвестных исторических источников эпистолярного наследия ученого О. М. Ковалевского, которые позволяют проследить основные шаги становления российской школы монголоведения, в котором немалую роль сыграла сибирская интеллигенция, среди которых особо выделяются буддийские священники – ламы, христианские миссионеры, поэты, общественные деятели.

Результаты

В командировке помощниками О. М. Ковалевского были многие из инородцев, о которых он с благодарностью сообщал в Совет Казанского университета. Впоследствии эти люди стали официальными корреспондентами Казанского университета, а многие из них отправляли различные материалы лично Осипу Михайловичу, в продолжение их знакомства. В своих письмах в Совет университета ученый называл имена: главного 18-ти Селенгинских родов тайши Ломбо Цыренова (так имя тайши писал Ковалевский, сейчас принято писать – Юмдэлэк Ломбоцыренов). Главный тайша Селенгинских родов был известным бурятским летописцем, его перу принадлежат такие сочинения как «Заметки о роде Хатагин» (1832), «История шаманки Асуйхан» (1832), по просьбе О. М. Ковалевского им была составлена «Бичиханзапискэ» (1833). Ученый высказывал слова признательности в адрес Цонгольских лам: Ширету лама Лопсан Дампил Дылыкова и Цзасак лама Вандун Дугарова; священнослужителей Кулуннорских кумирен: Гемпилова,

Дзамбалова, Гомбоева; ламы Ацагатских кумирен – Вампилова; помощника тайши Селенгинских родов Няндак Вампилон, письма которого пронизаны наибольшей теплотой к О. М. Ковалевскому. Вампилон был очень деятельным ламой. Он организовал открытие школы при Селенгинской Степной думе и строительство дацана, направил на обучение бурятских мальчиков в Казанскую гимназию, посылал в Казань рукописи, ксилографы и предметы буддийского религиозного культа для кабинета редкостей Казанского университета. Особо выделял Осип Михайлович цонгольского бурята Ринчина Ванчикова – образованнейшего человека среди бурят, знавшего русскую и монгольскую грамоту, обучавшегося у английских миссионеров. Интересным корреспондентом востоковеда был лама Долсом Доржи Гемпилов. С ним Осип Михайлович занимался чтением буддийских трактатов во время экспедиции среди бурят. Лама Гемпилов по просьбе исследователя написал заметки по истории своего рода – «Записки о Подгорном роде» (Национальный Архив Республики Татарстан, Ф.977, оп. Совет, д.1267, лл. 17-17об, 19, 102; Ф. 92, оп.1, д. 4195, л.104; д. 2237, л. 212; д. 5239; Национальный Архив Республики Бурятия, Ф.2, оп.1, д.184, лл. 1, 2. – Благодарности на имя лам Гемпилова и Вампилова от Совета Казанского университета).

По инициативе О. М. Ковалевского, Казанский университет «изъявил свою благодарность», выразив тем самым особую признательность за пожертвования восточных рукописей библиотеке, главному тайше 18-ти Селенгинских родов Ломбоцыренову и ламе Кулуннорских кумирен Гемпилову, за подписью ректора Н. И. Лобачевского, скрепленной печатью Казанского университета (Национальный Архив Республики Татарстан, Ф. 977, оп. Совет, д.1267, лл. 14-15, 99-100).

Несмотря на отдаленность Казани от Забайкалья, О. М. Ковалевский продолжал поддерживать связи с представителями этого края – с бурятским тайшой Тугулдуrom Тобоевым, с историком-краеведом М. А. Зензиновым (1805 – 1873), его племянником И. А. Юренским (умер в 1868), с поэтом Д. П. Давыдовым (1811 – 1888).

В 1843 году в Казани побывал И. Юренский. Он встречался с профессором Ковалевским, обсуждали вопросы просвещения

бурят. Осип Михайлович особо отмечал успехи на поприще востоковедения талантливого бурятского юноши, тогда еще студента Казанского университета, Доржи Банзарова.

20 октября 1844 года М. Зензинов отправил О. М. Ковалевскому тунгусский словарь и писал при этом: “По желанию племянника (Ивана Александровича Юренского) посылаю вам тунгусского языка словарь, собранный его трудами”. В этом же письме М. Зензинов благодарил профессора за ходатайство в обучении бурята Цыбика Онгодоева, а также просил Осипа Михайловича “похлопотать о 15-летнем сыне второго тайшиагинских бурят Тугулдур Тобоева – Радне-Базаре Тугулдурове, который ... обучается в Нерчинском уездном училище” (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского, д.122, папка № 1).

Просвещение инородцев Забайкалья – это одно из главных направлений деятельности О. М. Ковалевского. Начав обучение бурят еще в период научной командировки по Забайкалью (1828 – 1833), он продолжил эту деятельность и в Казани. М. Зензинов благодарил Осипа Михайловича за содействие в просвещении бурят: “В особенности трогает меня ваше благородное, патриотическое содействие в отношении образования детей кочующих. Я не могу приискать даже слов, чтобы достойным образом благодарить вас за это” (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 567, папка №1, л. 196 об.).

Ярко отражена провинциальная жизнь Сибири середины XIX века в письмах учителя и поэта Д. П. Давыдова. О. М. Ковалевский познакомился с Д. П. Давыдовым в 1832 году в Троицко-савске, где последний был учителем уездного училища. Однако, их переписка началась спустя восемнадцать лет после знакомства в 1850 году (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 567, папка №1, лл. 25-26об. Письмо Давыдова из Верхнеудинска от 17 октября 1850 года). Д. Давыдов большую часть своей жизни посвятил учительству, так, в 1850 году, в первом своем письме к Осипу Михайловичу он сообщал, что “учреждает училище при Кударинской степной думе”. О. М. Ковалевский поощрял учительство своего сибирского знакомого, выполняя его просьбу – выслать учебники по монгольскому

языку. Книги высылались, как правило, безвозмездно, или за невысокую плату (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 567, папка № 1, лл. 30об-31. Письмо Давыдова от 23 августа 1854 года, из Верхнеудинска).

О. Ковалевского и Д. Давыдова связывали монголоведческие интересы, хотя последний и не знал в совершенстве монгольского языка, все же использовал в своих сочинениях бурятские и монгольские темы и сюжеты. По просьбе профессора, Д. П. Давыдов собирал монгольские пословицы, привлекая к этому бурят. Например, Сахар Хамнаев, бывший помощник баргузинского тайши, прислал ему «Пословицы и афоризмы» (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 567, папка № 1, лл. 27-27об. Письмо Давыдова от 20 июня 1853 года из Верхнеудинска). В письме от 6 сентября 1855 года, Д. П. Давыдов сообщал О. М. Ковалевскому об “обрусевшем инородце” Мошанове, у которого “есть тетрадка с изречениями”, но “он ее из рук не выпускает”. Д. П. Давыдов обещал ее приобрести с помощью “преданного ему человека” Гантимурова (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 567, папка № 1, лл. 27-27об. Письмо Давыдова от 20 июня 1853 года из Верхнеудинска).

Среди корреспондентов О. М. Ковалевского был и протоирей, “миссионер у хоринцев” Константин Стуков – образованный человек, самостоятельно изучивший монгольский язык. В письме к профессору (от 2 февраля 1845 года) он обратился с просьбой выслать ему “по одному экземпляру Монгольской хрестоматии и Космологии”, что стало бы для него “драгоценностью”. В этом же письме благодарил Осипа Михайловича за его труды на поле монголоведения: “Русские только Вам обязаны тем, что они знают о буддийской вере, Вам одним обязаны ... точными ... наставлениями для монгольского языкознания” (Санкт-Петербургский университет. Отдел редких книг. Архив Ковалевского. Д. 568, папка № 2, лл. 343-346). Сохранились и письма к О. М. Ковалевскому на монгольском языке (90 экземпляров) (Шастина, Н.П., 1956). Содержание писем очень разнообразно. Некоторые из них представляют собой коротенькие записочки с расчетами по уплате за книги или с извещениями о получении книг, или с просьбой о высылке книг.

В некоторых письмах содержится информация о переписке книг по просьбе О. М. Ковалевского.

Несколько писем было получено к моменту отъезда ученого из Сибири. В них содержатся благопожелания и похвальные слова, слова восторга и благодарности. Буряты продолжали писать Осипу Михайловичу и после его отъезда в Казань. Много писем датированных после 1833 года (в январе 1833 года Ковалевский и Попов покинули Сибирь).

О. М. Ковалевский всем сердцем вошел в жизнь бурятских улусов, и представители бурятского народа платили ему за это любовью и уважением. В письмах высказывается чувство признательности к человеку науки, прожившему несколько лет одной жизнью с бурятским народом. Заслуживают внимания разные эпитеты, которыми награждают О. М. Ковалевского его корреспонденты. Вместо официального “Милостивый государь”, называют его “драгоценностью сердца, украшенной отменной ученостью”, или “незабываемой драгоценностью моей”, или “цветком лотоса” и другими нежными именами, в которых чувствуется теплота и привязанность к нему.

Когда весть о смерти Буянтуева и болезни Чимитова – бурятских мальчиков, направленных на учебу в Казанскую гимназию, дошла до Забайкалья, отец Галсана Никитуева – надзирателя (воспитателя) гимназистов обращается к попечителю М. Н. Мусину-Пушкину с прошением отпустить сына домой, объясняя просьбу своей старостью, требующей поддержки кормильца (Национальный архив Республики Татарстан, Ф.92, оп.1, д. 4340, л.76, 87). Однако, попечитель не отпустил Никитуева, так как помимо занятий с Банзаровым и Будаевым, продолжившим обучение, Г. Никитуеву следовало продолжать занятия со студентами университета по разговорному монгольскому языку и тибетской грамоте, а также продолжать заниматься научной работой под руководством О. М. Ковалевского, который в январе 1839 года обратился с письмом к попечителю: “... Г. Никитуев не может быть уволен от должности до замещения его другим” и предложил М. Н. Мусину-Пушкину сообщить в Селенгинскую Думу, чтобы найти новую кандидатуру (Национальный архив Республики Татарстан, Ф.92, оп.1, д. 4340, л.76, 87). Никитуеву пришлось надолго еще остаться в Казани из-

за поиска ему замены. А сделать это мог только Осип Михайлович, который лично был знаком с Хамбо-ламой Забайкальских дацанов (Национальный архив Республики Татарстан, Ф.92, оп.1, д. 4340, л.76, 87).

В ноябре 1840 года О. М. Ковалевский, по поручению попечителя Казанского учебного округа, отправляет письмо Хамбо-ламе Забайкальских дацанов с просьбой подыскать подходящую кандидатуру ламы, знающего монгольский и тибетский языки, отличного поведения взамен Галсана Никитуева, изъявившего желание вернуться на родину (Национальный Архив Республики Бурятия, Ф. 84, оп.1, д.503, л.1-1об., 5, 17, 19-19об.). Через некоторое время Бандида-хамбо-лама забайкальских дацанов Данжин-Чойвандоржи Иши-Жамсуев отправил ответное письмо. В нем он рекомендовал кандидатуру гецул-ламы Кулун-Норского дацана Галсана Гомбоева (Национальный Архив Республики Бурятия, Ф. 84, оп.1, д.503, л.1-1об., 5, 17, 19-19об.). 19 марта 1841 года О. М. Ковалевский отправил второе письмо Хамбо-ламе, в котором выразил признательность ему за “готовность к пользам народного просвещения” и сообщил, что 16 марта сделал представление по этому вопросу попечителю М. Н. Мусину-Пушкину для дальнейшего распоряжения с его стороны (Национальный Архив Республики Бурятия, Ф. 84, оп.1, д.503, л.1-1об., 5, 17, 19-19об.). Попечитель Казанского учебного округа, в свою очередь, уведомил (22 марта 1841 года) Иркутского гражданского губернатора о том, что “находящийся в должности комнатного надзирателя Первой Казанской гимназии лама Галсан Никитуев, по домашним обстоятельствам и по воле престарелого отца, просит увольнения от этой должности, которую, по предварительному сношению ординарного профессора О. М. Ковалевского с Вами, изъявил желание занять гецул Кулун-Норского дацана ... Галсан Гомбоев” (Национальный Архив Республики Бурятия, Ф. 84, оп.1, д.503, л.1-1об., 5, 17, 19-19об.). Так был решен вопрос о назначении ламы Галсана Гомбоева «надзирателем» Первой Казанской гимназии. В решении данного вопроса самое активное участие принимал О. М. Ковалевский. Эта переписка убедительно свидетельствует о заинтересованности О. М. Ковалевского в обучении бурят.

Обсуждение

В современной историографии наследие О. М. Ковалевского становится все более востребованным (Полянская, 2014; 2001; Валеев, Ермакова, Кулганек, 2004; Valeev, Kulganek, Tulisov, Jerzy, 2011). Без упоминания о его деятельности как исследователя монгольского и бурятского буддизма, не обходятся специальные издания, в том числе переводов памятников тибетского буддизма (Loseries-Leick, 2009, p.72; Tāranātha, 1990, p. 462-463; Tsyrempilov, 2013, p. 4).

Выводы

Все донесения, отчеты, которые отправлял Осип Михайлович из Восточной Сибири, Забайкалья попечителю Казанского учебного округа, ректору и Совету университета, а также письма корреспондентов из Сибири представляют интерес не только с точки зрения становления и развития научного монголоведения, но и с позиции создания истории сибирского региона.

Буряты помогали ученому собирать рукописи, а он, со своей стороны, обучал русскому языку проживающих рядом с ним бурят, оказывал первую медицинскую помощь и нередко поддерживал продуктами. Гуманные поступки Осипа Михайловича не остались незамеченными бурятами (Российская национальная библиотека. Ф. 1000, оп. 2, № 612. Собрание отдельных поступлений. Дневник О.М. Ковалевского 1830 г.).

Заключение

Разнообразное эпистолярное наследие монголоведа О. М. Ковалевского свидетельствует о разносторонней деятельности ученого, педагога, исследователя. Письма рассосредоточены в разных архивохранилищах России, Литвы, Польши. Богатая переписка находится в Национальном архиве Республики Татарстан, редкие экземпляры встретились нам в Национальном архиве Республики Бурятия. Переписка содержит сведения о монгольязычных народах, особенно интересно и многогранно в них представлены забайкальские буряты. Из писем мы узнаем имена общественных, религиозных деятелей из бурят, сибирской интеллигенции, которые оказывали всяческое содействие О. Ковалевскому и А. Попову в изучении монгольского языка, в собирании восточных рукописей, а также монгольского фольклора. В данной статье представле-

на характеристика писем, адресованная О. М. Ковалевскому от его сибирских друзей, знакомство с которыми состоялось в результате научной командировки в Восточную Сибирь.

Литература

Валеев Р. М., Ермакова Т. В., Кульганек И. В. и др. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878). Казань: «Алма-Лит», 2004, с. 288.

Полянская, О. Н. У истоков научного монголоведения в России: И. Я. Шмидт и О. М. Ковалевский, *Mongolica XIII*. Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2014, с. 10-12.

Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (первая половина XIX века). Улан-Удэ, 2001, с. 140.

Bawden, C. R. *Shamans, lamas and evangelicals: the English missionaries in Siberia*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985, pp. 382.

Chernorutskaia L. I. *300 Years of Oriental Studies in Russia: Imperial, Soviet and Post-Soviet Periods*. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1997. 114 pp.

Loseries-Leick, A. *Buddhism and its social significance for the Asian world: proceedings of the first international conference of the Centre for Buddhist Studies 2007*. Visva-Bharati, Buddhist World Press, in association with Centre for Buddhist Studies, 2009, pp. 159 (72).

Masson, V.M.: Dani, Ahmad Hasan (ed). *History of Civilizations of Central Asia: Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century*. UNESCO, 2005, pp. 1033.

Schimmelpenninck van der Oye, D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven & London, Yale University Press, 2010, pp. 288.

Tāranātha (Jo-nang-pa), Alaka Chattopadhyaya & Lama Chimpa (tr.). *Taranatha's History of Buddhism in India*. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1990, pp. 493 (462-463).

Tsyrempilov N.V. *Buddhism and Empire: Buryat Buddhist community in Russia (XVIII – early XX century)*. IMBT, 2013, pp. 335 (4).

Valeev, Ramil M.; Kulganek, Irina V.; Tulisov, Jerzy, “Professor O.M. Kowalewski: Mongolian studies scholar, traveller and enlightener:

his biographical landmarks”, *Acta Orientalia Vilmensia*, vol. 10, no 1-2. 2011, pp. 29–56.

Сведения об авторах

Кулганек Ирина Владимировна – Институт Восточных Рукописей Российской Академии Наук, Санкт-Петербург, Россия;

Полянская Оксана Николаевна – Бурятский Государственный Университет, Улан-Удэ, Россия

Валеев Рамил Миргасимович – Казанский Федеральный Университет, Казань, Россия; valeev200655@mail.ru

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – Казанский Федеральный Университет, Казань, Россия; dmitrymartynov80@mail.ru

**O. M. Kovalevsky’s correspondence
with the Siberian intelligentsia (1828–1833)**

Kulganek I. V., Polyanskaya O. N., Valeev R. M., Martynov D. E.

Summary

The article is devoted to the correspondence of Osip Kovalevsky with Siberian intellectuals – Russians and Buryats, during his scientific expedition to Transbaikalia and Mongolia in 1828 – 1832 and after its completion. Kovalevsky was sent to study the Mongolian and tibetsкого languages in the perspective of opening in Kazan University in the Department of Mongolian language – the first in Europe – which he headed in 1833, the Correspondence contains information about the Mongolian-speaking peoples, is particularly interesting and multi-faceted is presented in TRANS-Baikal Buryats. From the letters we learn the names of public and religious figures from the Buryats, the Siberian intelligentsia, who provided all possible assistance to O. Kovalevsky in the study of the Mongolian language, in the collection of Oriental manuscripts, as well as Mongolian folklore. The methodology of this article is based on the basic principles of modern historical science: historicism, problem-chronological, structural-functional, retrospective, anthropological methods. The materials of the article are of interest to researchers of the culture of Buryatia and Mongolia of the 19th century, the development of Russian Oriental studies and the Eastern category of Kazan University.

Keywords: O. M. Kovalevsky, Russia, Eastern Siberia, inner Asia, Mongolia, Mongolian-speaking peoples of Russia, Mongolian studies, Kazan University.

Acknowledgments: This work was carried out in accordance with the state program for improving the competitiveness of Kazan Federal University and the RFBR project 17-01-00209 / 17 “The Scientific Heritage of the Russian Orientalists of the XIX Century: O. M. Kovalevsky and V. P. Vasiliev”.

References

Bawden, C. R. Shamans, lamas and evangelicals: the English missionaries in Siberia. London: Routledge & Kegan Paul, 1985, pp. 382.

Chernorutskaya, L.I. 300 Years of Oriental Studies in Russia: Imperial, Soviet and Post-Soviet Periods. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1997. 114 pp.

Loseries-Leick, A. Buddhism and its social significance for the Asian world: proceedings of the first international conference of the Centre for Buddhist Studies 2007. Visva-Bharati, Buddhist World Press, in association with Centre for Buddhist Studies, 2009, pp. 159 (72).

Masson, V.M.: Dani, Ahmad Hasan (ed). History of Civilizations of Central Asia: Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century. UNESCO, 2005, pp. 1033.

Polyanskaya, O. N. U istokov nauchnogo mongolovedeniya v Rossii: I. YA. SHmidt i O. M. Kovalevskiy, Mongolica XIII. Sankt-Peterburg: «Peterburgskoye Vostokovedeniye», 2014, s. 10-12.

Polyanskaya O. N. Professor O. M. Kovalevskiy i Buryatiya (pervaya polovina XIX veka). Ulan-Ude, 2001, s. 140.

Schimmelpenninck van der Oye, D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven & London, Yale University Press, 2010, pp. 288.

Tāranātha (Jo-nang-pa), Alaka Chattopadhyaya & Lama Chimpa (tr.). Taranatha's History of Buddhism in India. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1990, pp. 493 (462-463).

Tsyrempilov N.V. Buddhism and Empire: Buryat Buddhist community in Russia (XVIII – early XX century). IMBT, 2013, pp. 335 (4).

Valeev, Ramil M.; Kulganek, Irina V.; Tulisov, Jerzy, “Professor O.M. Kowalewski: Mongolian studies scholar, traveller and enlightener: his biographical landmarks”, Acta Orientalia Vilnensia, vol. 10, no 1-2. 2011, pp. 29–56.

Valeyev R. M., Yermakova T. V., Kulganek I. V. i dr. Mongoloved O. M. Kovalevskiy: biografiya i naslediyе (1801-1878). Kazan: «Alma-Lit», 2004, s. 288.

About the authors

Kulganek Irina – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

Polyanskaya Oksana – Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Valeev Ramil – Kazan Federal University, Kazan, Russia; valeev200655@mail.ru

Martynov Dmitry - Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmitrymartynov80@mail.ru

Дата поступления 05.04.2019

УДК 39

Переписка А. Е. Крымского с петербургскими востоковедами (1890–1930 гг.)

Р. М. Валеев,

e-mail: valeev200655@mail.ru

Казанский федеральный университет,

г. Казань, Россия

О. Д. Василюк,

Крымский Институт Востоковедения,

Киев, Украина

Д. Е. Мартынов,

dmitrymartynov80@mail.ru

Казанский федеральный университет,

г. Казань, Россия

Р. З. Валеева,

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова,

г. Казань, Россия

Д. Р. Хайрутдинов,

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова,

г. Казань, Россия

Аннотация

Статья посвящена предварительному обзору и оценке эпистолярного наследия академика Академии наук Советской Украины А. Е. Крымского (1871–1942) – выдающегося советского и украинского востоковеда и слависта, автора многочисленных работ по истории, литературе и религии арабо-мусульманского и славянского миров. Использован большой массив неопубликованных первоисточников, охватывающих период 1890 – 1930 гг. из архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. Короткие записки писались не только на русском, но и также на арабском, персидском и украинском языках. Для осмысления содержания переписки использовались историко-генетический, историко-сравнительный

и биографический методы. Значительная часть переписки А. Крымского с выдающимися современниками сохранилась в хронологическом порядке, что позволяет оценить не только динамику живого общения учёных, но и экспликацию их общественных и научных идеалов. Проведенная классификация тем и материалов позволяет приступить к дальнейшей публикации писем А. Крымского и их введение в научный оборот. Исследование представляет интерес для специалистов по славистике и востоковедению, интеллектуальной истории Российской империи и СССР в период 1890 – 1930-х гг.

Ключевые слова: Россия, Украина, Ближний Восток, востоковедение, эпистолярное наследие, А. Е. Крымский, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с государственной программой повышения конкурентоспособности казанского федерального университета и проектом рффи № 18-09-00331 «эпистолярное наследие русских востоковедов на рубеже эпох: переписка а. Е. Крымского с русскими востоковедами (1890–1930)».

Для цитирования: Валеев Р. М., Василюк О. Д., Мартынов Д. Е., Валеева Р. З., Хайрутдинов Д. Р. Переписка А. Е. Крымского с петербургскими востоковедами (1890-1930 гг.) *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 58–68.

Введение

Особое место в истории российского, украинского и европейского востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. занимают ключевые центры востоковедения в Казани, Москве и Петербурге – Казанский университет, Лазаревский институт восточных языков, Санкт-Петербургский университет, Азиатский музей, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и др. с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями и значимым наследием выдающихся ученых и практиков. В особенности наследие корифеев российского востоковедения – А. Е. Крымский (1871 – 1842), В. Р. Розен (1849 – 1908), Ф. Е. Корш (1843 – 1915), В. А. Жуковский (1858 – 1918), С. Ф. Ольденбург (1863 – 1934), В. В. Бартольд (1869 – 1930), И. Ю. Крачковский (1883 – 1951), Н. А. Медников (1855 – 1918), П. К. Коковцов (1861 – 1942), В. Ф. Минорский (1877 – 1966) и др.

Эта плеяда российских ученых и просветителей сыграли ключевую роль в развитии классического востоковедения в России и Европе к рубежу XX в. Особенно значим их вклад в генезис национальных историографий и гуманитарных исследований в современных государствах Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии.

История востоковедного образования, научной мысли о Востоке в России, Украине и в целом в Европе XIX – начала XX вв. представлена известными и забытыми именами и трудами ориенталистов, общественнозначимым научно-просветительским наследием востоковедов. В ряду основоположников академического и университетского востоковедения, в области арабистики, семитологии, тюркологии, иранистики и славистики важное место принадлежит А. Е. Крымскому (1870 – 1842).

Биография и наследие Агафангела Ефимовича Крымского нашли достойное отражение в научной литературе и историографии. Тем не менее, перспективным остается дальнейшее изучение востоковедческого творчества украинского и российского ученого и просветителя крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. Востоковед-ближневосточник и славист, ученый и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом мировой арабистики, исламоведения, иранистики, османистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом письменное наследие арабо-мусульманской цивилизации – основополагающие направления учебной и исследовательской деятельности А.Е. Крымского.

Широта исследовательских и культурных интересов А. Е. Крымского поразительна: являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом». Исключительную роль в институционализации и профессионализации мировой ориенталистики, особенно классической арабистики, исламоведения, иранистики, османистики и тюркологии в России, Украине и Европе сыграл А.Е. Крымский.

Жизнь и биография А. Крымского связаны с тремя органичными периодами – московским (1889–1918), бейрутским (сирий-

ско-ливанским) (1896–1898) [1] и с киевским (1918–1941). Знаток арабо-мусульманских языков, он создал капитальные труды по истории арабов, персов, тюрок и других народов Передней Азии. В московском Лазаревском институте восточных языков (1889–1892) он изучал арабскую филологию, арабскую литературу и ислам [2]. Персидский язык и литература, турецкий язык и литература также были в центре его востоковедческого образования.

С полным правом А.Е. Крымский остается одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX – начала XX вв., выдающимся представителем российской и украинской школ востоковедения. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии в СССР в 1920–1930 гг.

Методы

Целью научного исследования является поиск, изучение, систематизация и публикация переписки арабиста, семитолога, тюрколога, ираниста и слависта А.Е. Крымского с востоковедами на рубеже эпох — В.Р. Розеном, В.В. Бартольдом, П.К. Коковцовым, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбургом, И.Ю. Крачковским, Н.А. Медниковым, В.Ф. Минорским в 1890 – 1930-е гг. В своем письме от 19 августа 1929 г. академику И.Ю. Крачковскому А.Е. Крымский писал: «...Письма мои истекают всегда непосредственно из души, я на них не смотрю как на отписку, а чувствую, как я приближаюсь всем сердцем к адресату» [7, р. 201].

В исследовании использованы историко-генетический, историко-сравнительный и биографический методы.

Результаты

Переписка востоковедов Российской империи выявлена в основных архивных центрах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. Это фонды Архива РАН в Москве, Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН, Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге и Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в Киеве.

Надо попутно заметить, что также, особый интерес и не только востоковедческий имеют письма А.Е. Крымского к академикам — А.А. Шахматову и В.П. Бузескулу. Всего 23 письма А.Е. Крымского к Алексею Александровичу Шахматову (Санкт-Петербургский

филиал архива Российской Академии наук СПбФРАН. Ф. 134, оп. 3, д. 766) относятся к периоду с 1902 по 1911 гг., написаны на писчей бумаге, за исключением одного от 29 декабря 1907 гг. В письмах присутствуют вставки-уточнения и сноски – пояснения. Единственное письмо А.Е. Крымского к Владиславу Петровичу Бузескулу (СПбФРАН. Ф. 825, оп. 2., д.112) написано 9 июля 1925 г. из Киева в Харьков. Также значимы полностью не опубликованные письма А.Е. Крымского академику Ф.Е. Коршу, хранящиеся в Архиве РАН в г. Москва (Ф. 558, оп. 4, д. 170).

Обратим внимание только на следующие интересные материалы. Бесценным являются письма А.Е. Крымского барону Розену Виктору Романовичу, которые хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН в его фонде (ф. 777, оп. 2, д.228). Всего 15 писем, охватывающие период с октября 1898 по январь 1906 гг. В Архиве востоковедов ИВР РАН в Петербурге в фонде Минорского Владимира Федоровича (1877-1966) востоковеда, дипломата, исследователя истории, исторической географии, литературы и культуры Персии и Закавказья (Ф. 134, оп. 3, ед.хр. 40) обнаружены его личные письма А.Е.Крымскому. Эти 8 писем и 1 открытка на 22 лл. представляют собой автограф и машинопись, которые датируются периодом 1910 – 1925 гг. В то же время в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ф. XXXVI, д. 377-399) также хранится 24 более ранних письма В.Ф. Минорского к А.Е. Крымскому 1904-1910 гг. из Персии, Баку и Петербурга, которые раскрывают тесные личные и профессиональные связи профессора и его талантливого ученика, демонстрируя этапы формирования будущего ученого с мировым именем.

Из хранящихся в архиве в Киеве писем Фёдора Евгеньевича Корша, большинство – это короткие записки с приглашениями или уведомлениями, что не удивительно, поскольку оба адресата находились в Москве. Обстоятельные послания относятся к 1897 г., когда Крымский находился в научной командировке в Бейруте, и к 1899 г., когда они обсуждали научные темы. Письма написаны хорошо читаемым почерком, в основном карандашом и синими чернилами. Следует отметить, что короткие записки писались не только на русском, но и также на арабском, персидском и украинском языках.

В целом письма А.Е. Крымского, хранящиеся в личных фондах академиков-востоковедов в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН, охватывают период с октября 1898 по август 1932 гг., написаны чётким, несколько мелким, но хорошо читаемым почерком, строчки ровные. Среди писем к Бартольду В.В. письмо от 14 октября 1925 г. написано под диктовку неустановленным лицом и письмо от 25 ноября 1925 г. – машинописное. В тексте писем представлены английские, немецкие, французские, арабские, персидские и турецкие вставки и выражения.

Не менее интересны и ответные письма к Крымскому, особенно те, которые можно выстроить в хронологическом порядке, то есть непосредственно отражающие живое человеческое общение в его динамике. А в случае изучения эпистолярия крупных учёных, дающие нам в полной мере возможность оценить научные и общественные идеалы.

В Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского сохранились письма к А. Крымскому – 3 письма В.Р. Розена (1903-1907 гг.); 4 письма П.К. Коковцева (1901-1909 гг.); 9 писем В.В. Бартольда (1908-1928 гг.) и 13 писем Ф.Е. Корша (1897-1914 гг.). Также в фондах библиотеки находятся письма к А. Е. Крымскому и других известных учёных – 35 писем В.Ф. Минорского, 5 – С.Ф. Ольденбурга, 5 – В.П. Бузескула, 3 – А.А. Шахматова, 20 – Т.Г. Кезмы, 17 – М.О. Атгаи, 37 – П.Н. Лозеева.

В целом письма А.Е. Крымского выдающимся представителям петербургского центра востоковедения и в целом переписка известных ученых как очень личный оригинальный источник, объективно воспроизводит профессиональное и социокультурное мгновение эпохи и истории востоковедения, показывает ученых и личности со всеми его заботами и общественными связями на определенных этапах их жизни и творчества.

Первое письмо А.Е. Крымского В.Р. Розену (Москва, 1898, 4.Х.) связано с необходимостью дальнейшей профессиональной подготовки. Он писал: «Мне нужно в этом учебном году держать магистерский экзамен по арабской словесности, и потому обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою: не откажите сообщить мне программу экзамена, наиболее удобное для Вас».

Также первые сохранившиеся письма А.Е. Крымского из Москвы П.К. Коковцеву от 6 марта 1901 г. связана с подготовкой «Лекции по истории семитских языков» (М., 1902) и В.В. Бартольду от 1 марта 1909 г. – благодарность за его книгу «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (Ч. 1–2, 1898–1900).

В целом 15 писем А.Е. Крымского В.Р. Розену связаны с периодом 1898–1906 гг., 9 писем П.К. Коковцеву – 1901–1932 гг. и 7 писем В.В. Бартольду написаны в 1909–1928 гг. Несомненно, не все письма А.Е. Крымского равноценны по своей насыщенности разнообразной информацией и его личными оценкам.

Обсуждение

В общем, в современной западной историографии возобладали политические тенденции по отношению практически ко всем выдающимся интеллектуалам, происхождение или судьба которых была связана с Украиной. Это отчетливо прослеживается по разнообразным публикациям, выпускаемым ведущими университетскими издательствами и научными журналами [3, р. 238] [5, р. 189–209][6, р. 89][8][9, р. 312, 339][10]. Исключения сравнительно редки, характерно, что они написаны специалистами, происходящими из стран Ближнего Востока [1][4, р. 5, 35]. Тем более важно обратиться к публикации и изданию первоисточников и анализу личных и профессиональных связей А.Е. Крымского.

Выводы

Систематизируя содержание писем А.Е. Крымского петербургским учителям и коллегам можно выделить следующие пласты – направления научных тем и исследований; различные библиографические справки и востоковедческие новости; очень личные характеристики и оценки востоковедения в России, Украине и Европе, коллег и учеников; разнообразные факты о судьбах и др.

Этот пласт эпистолярных источников особенно интересен для осмысления истории университетской и академической ориенталистики в России и Украине и дополняет сведения о тесных личных и профессиональных связях ученых-востоковедов Москвы, Санкт-Петербурга и Киева последней четверти XIX – первых десятилетий XX вв.

Вводимые в научный оборот письма А. Е. Крымского и особенно письма ему адресованные востоковедами-академиками

полезны для студентов и современников также и в следующих аспектах. Во-первых, они являются автографами крупнейших российских востоковедов XIX – начала XX вв. Во-вторых, в этих письмах представлена позиция крупнейшего востоковеда и личности. В-третьих, здесь мы находим уникальную оценку состояния академического и университетского востоковедения, его арабистических, иранистических, тюркологических составляющих и роли ведущих отечественных ученых и мыслителей. В-четвертых, в письмах особенно остро чувствуются личное настроение и позиция человека и ученого. В целом содержание переписки может послужить оригинальным материалом к составлению научных биографий российских академиков-востоковедов XIX в.

Заключение

История российского и украинского востоковедения XIX – первых десятилетий XX вв., также других центров дореволюционной и советской науки, закономерности, направления и итоги развития науки о Востоке, научное, просветительское и особенно эпистолярное наследие отечественных востоковедов являются актуальными академическими и прикладными проблемами современной российской и зарубежной историографии, источниковедения и культурологии. На современном этапе академический и прикладной интерес ученых и общественности вызывают теоретические, геополитические, социокультурные и историко-научные факторы и направления формирования и развития ключевых центров практического, академического и университетского востоковедения в России и Украине XIX – начала XX вв. – Москва, Санкт-Петербург и Киев. Рубеж эпох связан с разнообразием, богатством и трагедиями в судьбах представителей российской ориенталистики, созданием отечественной оригинальной институциональной системы образования и научного изучения Востока в Азиатском музее Академии наук, Московского и Петербургского университетов и Лазаревского института восточных языков, научных обществ и т. д.

Литература

Базиянц А. П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М., 1973. 224 с.

Наумкин В. В., Смилянская И. М. (ред.) *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. М., 1997. 392 с.

Abou-Hodeib, Toufoul, “Taste and Class in Late Ottoman Beirut”, *International Journal of Middle East Studies*, volume 43, issue 3, august 2011, pp. 475–492.

Chernetsky, V. *Mapping Postcommunist Cultures: Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. Montreal & Kingston: McGill-Queen’s Press, 2007. 361 pp.

Imangulieva, Aida; and Thomson, Robin. *Gibran, Rihani & Naimy: East-West Interactions in Early Twentieth-Century Arab Literature*. Oxford: Inner Farne Press, 2009. 239 pp.

Kasianov, G.; and Ther P. (eds.) *Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography*. Budapest, New York: Central European University Press, 2008. 310 pp.

Miller A., and Dobrynin S. *Romanov Empire and Nationalism: Essays in the Methodology of Historical Research*. Budapest, New York: Central European University Press, 2007. 242 pp.

Shapoval, Iurii I.; and Marta D. Olynyk, “The Mechanisms of the Informational Activity of the GPU-NKVD. The Surveillance File of Mykhailo Hrushevsky”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 42, No. 2/4, 2001, pp. 207–230.

Shkandrij, M. *Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. Montreal & Kingston: McGill-Queen’s Press, 2001. 368 pp.

Yekelchik S., “The Nation’s Clothes: Constructing a Ukrainian High Culture in the Russian Empire, 1860-1900”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, bd. 49, h. 2, 2001, pp. 230–239.

Сведения об авторах:

Валеев Рамиль Миргасимович – Казанский Федеральный Университет, valeev200655@mail.ru

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – Казанский Федеральный Университет, dmitrymartynov80@mail.ru

Василюк Оксана Дмитриевна – Крымский Институт Востоковедения, Киев, Украина;

Валеева Роза Закариевна – Казанский Инновационный Университет им. В. Г. Тимирязова (Казань).

Хайрутдинов Динар Рафисович – Казанский Инновационный Университет им. В. Г. Тимирязова (Казань).

Krymsky's correspondence with St.-Petersburg's orientalists (1890–1930)

**Valeev R. M., Vasiliuk O. D., Martynov D. E.,
Valeeva R. Z., Hairutdinov D. R.**

Summary

The article is devoted to a preliminary review and assessment of the epistolary heritage of the academician of the Academy of Sciences of Soviet Ukraine A.E. Krymsky (1871-1942), an outstanding Soviet and Ukrainian orientalist and Slavist, author of numerous works on the history, literature and religion of the Arab-Muslim and Slavic worlds. A large array of unpublished primary sources covering the period 1890 - 1930 was used. from the archives of Moscow, St. Petersburg and Kiev. Short notes were written not only in Russian, but also in Arabic, Persian and Ukrainian. To comprehend the contents of the correspondence, historical-genetic, historical-comparative, and biographical methods were used. A significant part of A. Krymsky's correspondence with prominent contemporaries has been preserved in chronological order, which makes it possible to evaluate not only the dynamics of the living communication of scientists, but also the explication of their social and scientific ideals. The classification of topics and materials allows us to proceed with the further publication of letters of A. Krymsky and their introduction into scientific circulation. The study is of interest to specialists in Slavic and Oriental studies, the intellectual history of the Russian Empire and the USSR in the period 1890-1930s.

Keywords: Russia, Ukraine, NearEast, OrientalStudies, EpistolaryHeritage, A.E. Krymsky, V.R. Rozen, V.V. Barthold, S.F. Oldenburg, I.Yu. Krachkovsky.

Acknowledgments: The work was carried out in accordance with the state program for enhancing the competitiveness of the Kazan Federal University and RFFI project No. 18-09-00331 “The epistolary heritage of Russian Orientalists at the turn of the epoch: correspondence a. E. Krymsky with Russian Orientalists (1890–1930).”

References

- Abou-Hodeib, Toufoul. Taste and Class in Late Ottoman Beirut // International Journal of Middle East Studies, volume 43, issue 3, august 2011, pp. 475–492.
- Baziyantz, A.P. Lazarev Institute of Oriental Languages in the History of Russian Oriental Studies. Moscow: Nauka publ., 1973. 224 pp. (In Russian)
- Chernetsky V. Mapping Postcommunist Cultures: Russia and Ukraine in the Context of Globalization. Montreal & Kingston: McGill-Queen's Press, 2007. 361 pp.
- Imangulieva A., Thomson Robin. Gibran, Rihani&Naimy: East-West Interactions in Early Twentieth-Century Arab Literature. Oxford: Inner Farne Press, 2009. 239 pp. (5, 35)
- Kasianov,G.; and Ther P. (eds.) Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography. Budapest, New York:Central European University Press, 2008. 310 pp.

Miller A., and Dobrynin S. Romanov Empire and Nationalism : Essays in the Methodology of Historical Research. Budapest, New York: Central European University Press, 2007. 242 pp.

Naumkin, V.V.; Smilyanskaya I.M. (eds). Unknown pages of Russian oriental studies. Moscow: Vostochnaya literature, 1997. 392 pp. (In Russian)

Shapoval, Iurii I., Olynyk Marta D. The Mechanisms of the Informational Activity of the GPU-NKVD. The Surveillance File of MykhailoHrushevsky // Cahiers du Monde russe, vol. 42, No. 2/4, 2001, pp. 207–230.

Shkandrij M. Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times. Montreal & Kingston: McGill-Queen's Press, 2001. 368 pp.

Yekelchik S. The Nation's Clothes: Constructing a Ukrainian High Culture in the Russian Empire, 1860-1900 // Jahrbücherfür Geschichte Osteuropas. Neue Folge, bd. 49, h. 2, 2001, pp. 230–239.

About the authors:

Valeev Ramil – Kazan Federal University, Kazan, Russia valeev200655@mail.ru

MartynovDmitry – Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmitrymartynov80@mail.ru

Vasilyuk Oksana – Crimean Institute of Oriental Studies, Kiev, Ukraine;

Valeeva Roza – Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova, Kazan, Russia

Khairutdinov Dinar Rafisovich – Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova, Kazan, Russia.

Дата поступления 16.06.2019

УДК 94

Геро фон Мергарт и его «Воспоминания о Советской России»

Е.В. Детлова,

detlova2012@yandex.ru

Красноярский краевой краеведческий музей,

г. Красноярск, Россия

С.В. Кузьминых,

kuzminykhsv@yandex.ru

Институт археологии РАН,

г. Москва, Россия

Аннотация

В 1919 г. Геро Мергарт, геолог, археолог, военнопленный австро-венгерской армии, становится реставратором в Музее Приенисейского края в Красноярске. Позже, при советской власти, он был назначен заведующим отделом археологии. Результаты его плодотворной сибирской деятельности изложены в многочисленных публикациях и зафиксированы в отчетах, которые хранятся в архиве Красноярского краевого краеведческого музея. Эти документы свидетельствуют о колоссальном объеме работы, которую австрийский археолог проделал за неполных два года своего пребывания в Красноярске. По возвращении в Австрию Мергарт защитил диссертацию и опубликовал книгу «Бронзовый век на Енисее». Тогда же он подготовил «Воспоминание о Советской России», которое было опубликовано в трех выпусках газеты «Мюнхенские новейшие известия». События и последствия Гражданской войны в Красноярске, окончательное установление советской власти, изменения в социально-экономической ситуации, перемены в облике города, быте и настроении населения, работа в Красноярском музее в тот период – ключевые темы его повествования.

Ключевые слова: Геро Мергарт, воспоминания, Советская Россия, Сибирь, Красноярск, музей Приенисейского края.

Для цитирования: Детлова Е.В., Кузьминых С.В. Геро фон Мергарт и его «Воспоминания о Советской России». *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39 (3): 69–119.

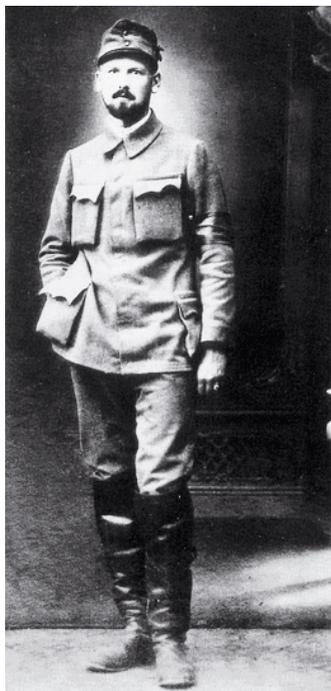

Рис. 1. Геро фон Мергарт во время службы в австро-венгерской армии. Фото.

В Сибирь Геро Мергарт¹ фон Бернегг (Gero Kurt Karl Maria Merhart von Bernegg) (1886–1959), в будущем известный европейский археолог, а в то время военнопленный австро-венгерской армии, попал не по своей воле. Детство и юность ученого прошли в Брегенце, городке на границе Австрии, Германии и Швейцарии. От матери Каролины Бир, среди предков которой были поэты и архитекторы, он унаследовал любовь к семье, родине, склонность к гуманитарным наукам и творчеству, от отца – кадрового военного Вальтера Мергарта – чувство долга, верность Отчизне, доблесть и понятие о чести, которую ценил превыше всего. Геро Мергарт получил хорошее образование в иезуитской гимназии в городе Фельдкирхе, неподалеку от Брегенца. Затем последовали годы учебы в Мюнхенском университете, который он закончил

с дипломом геолога в 1913 году. В том же году он приступил к работе в должности ассистента в Мюнхенском антрополого-историческом государственном собрании. Казалось, молодому ученому были уготованы безоблачное будущее и блестящая научная карьера. Увертюрой к цепи трагических событий в его жизни послужило начало Первой мировой войны.

В июле-августе 1914 г. Геро Мергарт был призван на военную службу. В войну он вступил с непоколебимой убежденностью в ее правильности, однако молодой человек не мог себе представить, что война искалечит его судьбу и станет причиной грядущей многолетней разлуки с родиной. Первое воодушевление от успехов на

---

¹ Merhart – трансл. Мерхарт, в научной литературе более употребительна и распространена русифицированная форма фамилии – Мергарт.

военном поприще сменилось разочарованием. Еще большее отрезвление последовало, когда 10 декабря 1914 г. в Галиции он попал в русский плен и был отправлен в лагерь для военнопленных офицеров в Чите. Однако молодому ученому повезло гораздо больше, чем многим его собратьям по оружию, которые обрели вечный покой в сибирской земле: он не только остался в живых, но и получил возможность вернуться к научной работе. В 1919 г. Мергарт становится реставратором в Музее Приенисейского края в Красноярске (ныне – Красноярский краевой краеведческий музей), а несколько позже, при советской власти, был назначен заведующим отделом археологии. Ре-

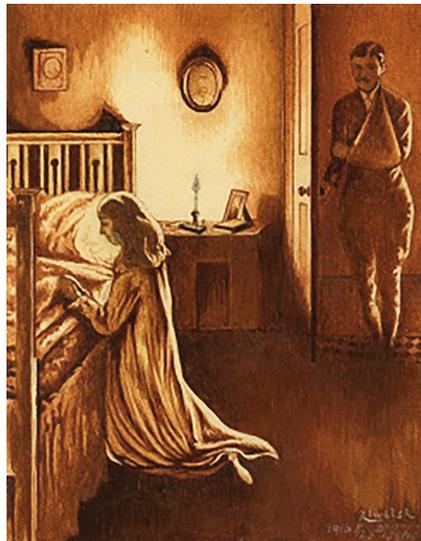

Рис. 2. Фехер. Возвращение. 1916 г.
Рисунок. КККМ.

Рис. 3. Фехер. Похоронная. 1916 г. Рисунок. КККМ.

Рис. 4. Коллегия Музея Приенисейского края (24.03.1920). Г. Мергарт – третий справа во втором ряду; крайний справа в первом ряду – директор А. Я. Тугаринов, рядом – Г. П. Сосновский. Фото. КККМ.

зультаты его чрезвычайно плодотворной сибирской деятельности изложены в многочисленных публикациях и зафиксированы в отчетах, которые хранятся в архиве Красноярского краевого краеведческого музея. Эти документы свидетельствуют о колоссальном объеме работы, которую австрийский археолог проделал за неполных два года своего пребывания в Красноярске, притом в крайне сложных условиях. Особую популярность ученому как специалисту в области эпохи раннего металла принесли его исследования бронзового века Южной Сибири. Помимо работ, которые на слуху у любого профессионала, непревзойденной остается его знаменитый труд «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). В книге собран и осмыслен огромный материал, в ней аккумулированы не только результаты собственных полевых наблюдений, но также сведения, полученные из различных музеев России и из немногочисленной в то время специальной литературы.

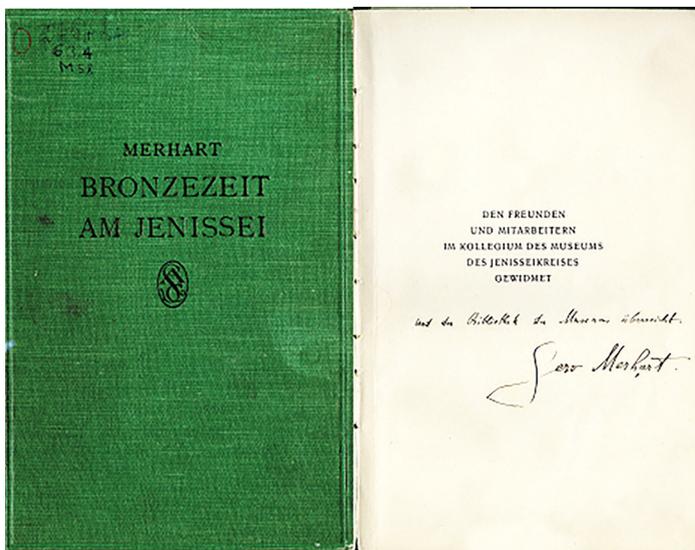

Рис. 5. Титул книги Г. Мергарта «Бронзовый век на Енисее» с его автографом. КККМ.

Осенью 1921 г. Мергарт вернулся в Австрию. Звездный час в его карьере пробил несколько лет спустя. Признанием его заслуг перед наукой стало приглашение в мае 1928 г. на должность первого штатного профессора древней истории на кафедре университета г. Марбург-на-Ланне (Германия). Самым большим достижением этого талантливого археолога и педагога, основателя так называемой «марбургской школы» археологии, является то, что он выделил доисторические исследования в Германии в самостоятельную дисциплину.

Геро фон Мергарт – почетный член многих европейских научных обществ и признанный знаток древней истории Северной Евразии в Европе. Успехом увенчалась преподавательская деятельность ученого: его лекции привлекали огромное количество слушателей. Он воспитал несколько поколений крупнейших археологов Германии, а число тех, кто с гордостью может причислить себя к его ученикам, не поддается учету. Его фамильное поместье в Швейцарии, где ученый уединился на склоне лет, стало «Меккой археологов» из разных уголков мира.

На протяжении всей жизни Мергарт хранил в своем сердце любовь к Сибири, неласковой к нему стране, которая стала причиной многих трагических событий в его жизни: добровольно отсрочив свое возвращение на родину на полгода, чтобы завершить начатую научную работу, ученый лишился своей прежней должности в Германии. Подозрительное и настороженное отношение к нему как к чужаку, который долгое время находился вдали от родины, усугублял тот факт, что страна, откуда он возвратился, представляла собой враждебный лагерь, гнездо

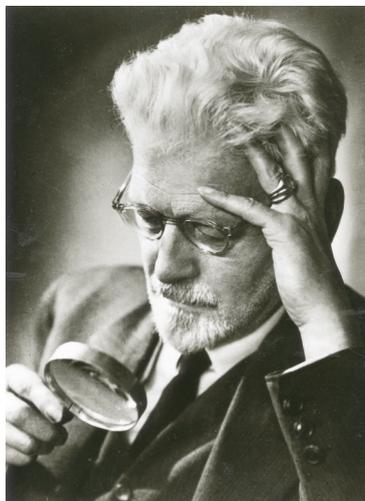

Рис. 6. Геро фон Мергарт
в 1940-е годы. Фото.

большевизма, и само общение с носителями чуждой идеологии считалось чем-то святотатственным. Прерванная карьера не была единственным негативным последствием. В жертву сибирским древностям Мергарт принес свое здоровье. Здесь он перенес малярию, которая губительно сказалась на его организме. Большой трагедией для него обернулась приобретенная в Сибири серьезная болезнь глаз, которая все последующие годы сильно осложняла работу, а в конце жизни привела к почти полной слепоте. На фоне этого даже не столь значительными кажутся такие проблемы, с которыми ученому пришлось столкнуться в России, как невозможность заниматься научной работой и вести наблюдения из-за отсутствия необходимых средств, инструментов, специальной литературы, процветающие повсеместно бюрократизм и канцелярская волокита.

Несмотря на все это, именно в Сибири состоялось становление Геро Мергарта как археолога, и уже в сибирской деятельности прослеживаются направления его дальнейшей работы: здесь он реализовал себя как прекрасный исследователь, музейщик, специалист в области охраны памятников. В определенной степени

нашлось применение и его педагогическому таланту: роль личности и общения с Мергартом, его влияние на сибирских археологов признавали многие советские ученые.

В Россию этот удивительный человек мечтал когда-нибудь вернуться. Ностальгия по Сибири сквозит и в его личной переписке, и в литературных произведениях. К мыслям об этой стране он возвращается и на склоне лет, в письме японскому коллеге Бунэю Цуноде. В 1958 г. профессор Цунода обратился к нему с просьбой поделиться сведениями и воспоминаниями об известном сибирском исследователе С.А. Теплоухове, с которым Мергарта свела судьба в 1920 г. в Минусинской котловине. На предложение японского коллеги Мергарт откликнулся проникновенным письмом-воспоминанием о жизни в Сибири и русских коллегах, которое впервые было опубликовано в журнале «Палеология» (Merhart, 1958). На русском языке это произведение увидело свет спустя полвека (Кузьминых, Детлова, Салминен, 2007).

Именно суровой мачехе – Сибири Геро Мергарт посвятил самое трогательное и теплое свое произведение, воспоминание о стране и людях, которое он назвал русским словом «Далёко». В 2008 г. книга была переиздана на немецком языке (Merhart, 2008). Готовится к изданию русский перевод мемуаров, которые появятся в скором будущем и займут достойную нишу в отечественной сибиряде, в одном ряду с очерками известнейших путешественников прошлого.

С Сибирью связано еще одно, менее известное литературное произведение Мергарта – «Воспоминание о Советской России», которое в свое время было опубликовано в трех выпусках газеты «Мюнхенские новейшие известия» (Merhart, 1921/1922). Это сочинение можно охарактеризовать как «Далёко» в миниатюре. События и последствия Гражданской войны в Красноярске, окончательное установление советской власти, изменения в социально-экономической ситуации, перемены в облике города, быте и настроении населения, работа в Красноярском музее в тот период – ключевые темы повествования. Последняя глава, значительно более короткая чем предыдущие, будто обрывается на полуслове. Можно только догадываться, почему так произошло. Возможно,

причина лежит в одной плоскости с причиной не издания в свое время и более фундаментального «Далёко».

Над обоими произведениями автор начал работать сразу вскоре после своего возвращения на родину. Как это явствует из писем Геро Мергарта русским и зарубежным коллегам, одно из немецких издательств выразило заинтересованность в публикации его воспоминаний о России. Не меньшее внимание проявила к «сибирской тематике» и пресса. Однако через несколько лет ситуация кардинально изменилась. «Далёко», хотя и было завершено, так и осталось лежать в виде рукописи до конца 1959 г., пока сын ученого Ульрих после смерти отца на собственные средства не издал мемуары. Очевидно, по той же причине неоконченной осталась и публикация воспоминаний в мюнхенской газете.

Тему пребывания Геро Мергарта в Сибири органично дополняют письма ученого в Красноярский музей². Четыре письма были опубликованы на немецком языке на родине ученого в Брегенце, в «Ежегоднике Форарльбергского музея» (Detlowa, Swozilek, 2006), на русском языке – в Красноярске, в альманахе «Енисейская провинция» (Детлова, 2007). Первое отправлено из Минусинска и содержит отчет об экспедиции на юг края. Эти исследования Мергарт провел со своими коллегами из Красноярского музея Г.П. Соновским и А.П. Ермолаевым летом 1920 года. Второе и третье письма относятся к заключительному этапу пребывания австрийского археолога в России. В них идет речь о поездке в Казань, Москву и Петроград, работе в центральных музеях и встречах со столичными археологами. О возвращении ученого в Австрию и Германию, изменениях в личной жизни, продолжении работы над сибирскими материалами повествуют письма из Мюнхена 1922 и 1923 гг. Они были найдены не так давно в научном архиве Красноярского музея и публикуются впервые. Последнее лаконичное послание, отправленное из г. Майнца (Германия) в 1927 г., свидетельствует о том, что связь ученого с Красноярским музеем не прерывалась на протяжении как минимум нескольких последующих лет.

---

² НА КККМ. Оп.1. Д. 372. Л. 36 – 46.

Указанными материалами не исчерпывается тема контактов Геро Мергарта с коллегами из Красноярского музея. Его личная переписка с красноярскими музейщиками опубликована практически в полном объеме в сборнике «Второй век подвижничества» (Детлова, 2011а). В фондах Красноярского краевого краеведческого музея, помимо обширного пласта адресованных австрийскому археологу в 1915–1920 гг. писем, сохранились также рукописи некоторых его работ, а также ряд публикаций, связанных с сибирской археологией.

Геро фон Мергарт

Воспоминания о Советской России

1. Приключение в Красноярске.

<С. 29> Переходный период от правления адмирала Колчака к большевистскому был жутким. Никто толком не знал, что происходит, и если хоть часть витающих вокруг слухов были правдоподобными, для беспокойства имелось достаточно причин. Что все офицеры были уничтожены, что ни один из казаков не должен был остаться в живых, что по прибытии в Омск все собравшиеся там беженцы были утоплены в реке – и это были еще не самые дикие новости. В декрет о национализации женщин ³ поверили многие образованные люди. Когда в одной из распространяемых листовок пообещали, что главную улицу Красноярска ⁴ вымостят трупами «буржуев», тогда побежали и такие люди, которым до сих пор казалось бессмысленным уйти в неизвестность и сибирскую зиму без денег или бросив нажитое имущество. А военнопленные тихо сидели в своих лагерях, на своих рабочих местах. Это было накануне Рождества 1919 года. Последнее Рождество на чужбине!

---

³ Имеется в виду фальшивый Декрет об отмене частного владения женщинами, который был опубликован в марте 1918 г. в Саратове и других регионах России. Подробнее об этом см.: <http://statehistory.ru/634/Dekret-o-natsionalizatsii-zhenshchin--falshivka>

⁴ Не вполне понятно, о каких листовках идет речь. В фондах Красноярского краевого краеведческого музея листовок подобного содержания не отложилось.

Четыре, пять, даже шесть раз я мечтал об этом. Теперь это должно было стать реальностью. В новом году в Красноярске уже могла быть Красная Армия, и тогда дорога на Запад была бы открыта.

Рис. 7. Сатирический плакат времен Гражданской войны. 1920 г. КККМ.

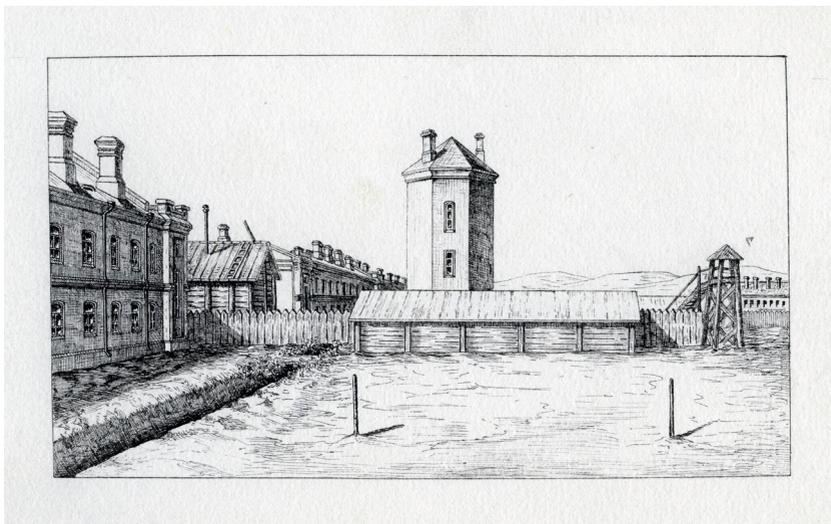

Рис. 8. Военный городок в Красноярске.
Рисунок неизвестного художника. КККМ.

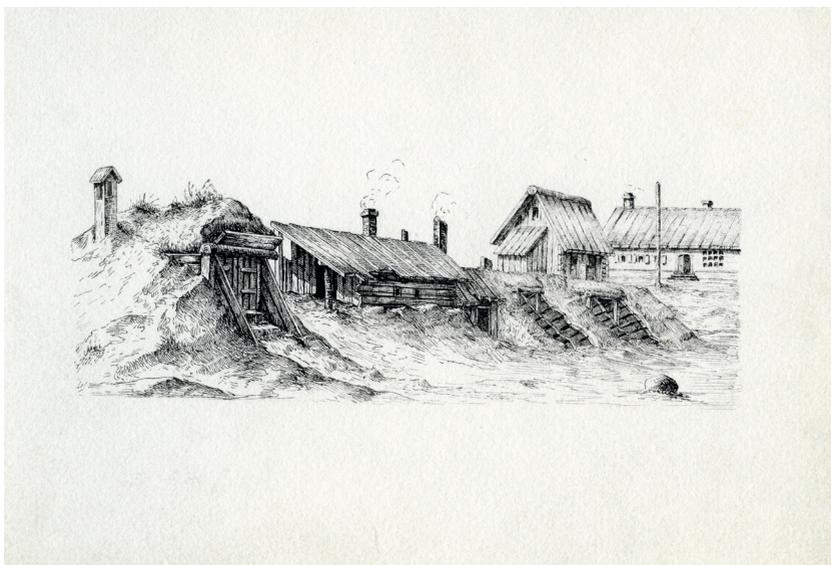

Рис. 9. Землянка в Военном городке.
Рисунок неизвестного художника. КККМ.

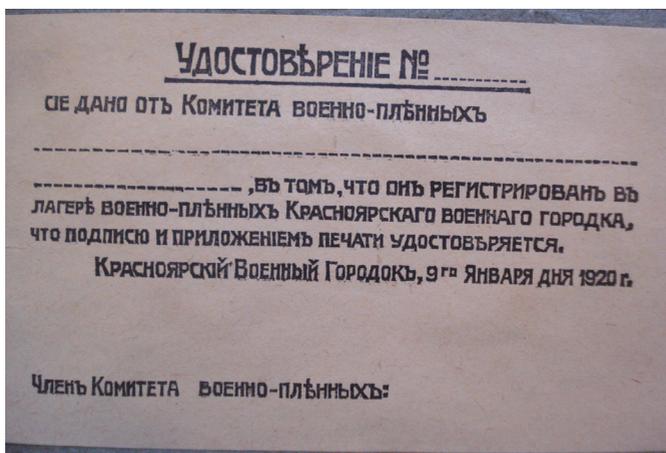

Рис. 10. Регистрационный бланк военнопленного в Военном городке Красноярска. КККМ.

Рис. 11. Разовой пропуск, выданный Г. Мергарту и А.П. Ермолаеву для свободного передвижения по Красноярску 28.02.1920 г. КККМ.

Конечно, еще многое нужно было пережить. А в Сибири часто выживание заканчивалось смертью. Мы видели раненых из отрядов атамана Семенова, убитых красными ⁵, вынуждены были

⁵ Семенов Григорий Михайлович (1896–1946) – атаман, видный деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, принимал активное участие в борьбе против советской власти в Сибири. Подробнее о нем и его контрреволюционной деятельности см.: (Парфенов, 1924. С. 18–21, 74, 81, 108, 116–118, 127, 128, 152 и др.).

стать свидетелями того, как сотни рабочих и крестьян, а также представителей интеллигенции были зарублены, расстреляны или утоплены в реке колчаковцами, мы видели могилы наших товарищей, жертв чешской военной истории ⁶ – одним словом, мы слишком хорошо знали, как в России захватывают и насаждают власть. Но, несмотря на все это, – за фронтом Красной Армии лежал путь на родину. И мы, бывшие пленными при царе, Керенском, Семенове, Колчаке, чехах, итальянцах, румынах, поляках, наконец, и у французов с англичанами, мы верили в красные знамена как в символ свободы.

Рис. 12. Братская могила венгерских коммунистов в Военном городке, расстрелянных колчаковцами в 1919 г. Фото. КККМ.

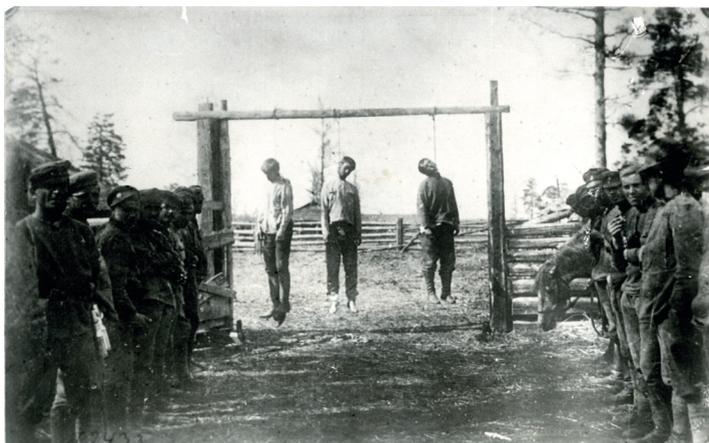

Рис. 13. Повешенные белочехами крестьяне-коммунисты. Фото. КККМ.

⁶ Речь об антисоветском мятеже чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 года, который послужил одной из важнейших причин падения советской власти в губернии и ознаменовал собой начало Гражданской войны. Подробнее об этом см.: (Очерки... 1982. С. 187; Красноярский край... 1996. С. 31–34).

В новогоднюю ночь солдаты, расквартированные в Музее Географического Общества ⁷, в котором два месяца я работал реставратором, потребовали от консерватора открыть все помещения. Это были люди из армии Колчака, которые готовились к перевороту. Они предполагали, что офицерские подразделения и, быть может, верные режиму отряды захотят их разоружить. И они были настроены на борьбу. Музей нужно было подготовить к обороне. Консерватор ⁸ сложил с себя всякую ответственность. Конечно, он не мог воспрепятствовать тому, что принесли пулеметы и боеприпасы.

Рис. 14. Консерватор А.Я. Тугаринов с коллегами в своем рабочем кабинете. Фото. КККМ.

---

⁷ Он же – Музей Приенисейского края, ныне – Красноярский краевой краеведческий музей. В описываемый период музей располагался в здании бывших Гостиных рядов на Старобазарной площади (современная Площадь Мира). Сейчас в этом здании располагается Государственный архив Красноярского края. Подробнее об истории здания и музея, в том числе в первый период установления советской власти в Сибири, см.: (Двадцатипятилетие... 1915. С. 11, 17 и др.; Кочкина, 2014).

⁸ В 1905–1926 гг. музеем руководил Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880–1948) – зоогеограф, орнитолог, археолог, этнограф, общественный деятель. В годы работы в Красноярске был также правителем дел, а затем возглавлял Красноярское отделение РГО (1907–1925). Подробнее о жизненном и творческом пути ученого см.: (Макаров, 2011; Баташев, 2011; Детлова, 2011; Козлова, 2011; Яворский, 2011; Малицкая, Вдовин, 2014).

К тому же наши подвалы были заполнены бензином, керосином, авиатопливом – а я в новогоднюю ночь безмятежно спал на соломенном тюфяке, служившем мне кроватью, которая стояла в одном из углов моего зала первобытных древностей.

Переворот осуществлялся силами всего гарнизона. Без борьбы и кровопролития. Спешно собирались встретить, разбить или хотя бы отбросить белую армию, которая, отступая, приближалась к городу с запада. И этот день наступил – мы работали тогда над фотографическими снимками отреставрированных и по-новому систематизированных предметов, – когда с утра до вечера на западной окраине города грохотала канонада. Пехотный, пулеметный огонь, ручные гранаты, артиллерия. Белую армию удалось оттеснить. Последние попытки сопротивления колчаковской армии были сломлены. Это вылилось в продолжавшемся целый день потоке в город обезоруженных. Сдавались тыловые обозы всех видов. Сотни саней заполонили все свободные площади, лошадей просто отпустили. <С. 30> Целый день табуны трусили по улицам и в конце концов околевали. Со временем их трупы убрали. Но только весной прикомандированные к нам на работу офицеры захоронили эти огромные массы пропавшего понапрасну мяса. В окрестностях города было зарыто свыше 2000 лошадей ⁹.

Красная Армия, задержанная в своем продвижении для ликвидации последствий катастрофического крушения колчаковской армии, заставила себя ждать. Но наконец ее авангард вступил в город ¹⁰. И к вечеру того же дня бесконечные вереницы тыловых обозов потянулись с запада на восток через Красноярск. Дисциплинированно, четким строем, избегая любого насилия, что вызвало у всерьез опасавшегося населения вздох облегчения. Дюжинами собраний, сотнями плакатов, тысячами листовок политотдел армии проводил вербовку колоссального масштаба. Процветала торговля, несмотря на то, что заявленные программы требовали ее подавления в пользу государственного товарообмена. Но до поры

---

⁹ Подробнее об этих событиях см.: (Полгода... 1920. С. 14).

¹⁰ В ночь с 6 на 7 января 1920 года части 30-й дивизии Красной Армии вступили в Красноярск. Об освобождении Красноярска от колчаковцев см. также: (Документы... 1959. С. 526).

до времени в больших количествах деньги – денежные знаки свергнутого правительства – привносила армия. Она скупала все, не торгуясь, прямо-таки набрасывалась на товары.

Рис. 15. Вступление Красной армии в Красноярск в 1920 г. Фото. КККМ.

Но однажды на стенах появились объявления о том, что денежные знаки прежнего правительства являются недействительными. Принимались только царские деньги, купюры Временного правительства Керенского и советские рубли. Но их в наличии было мало. Катастрофически мало. У большинства их почти не было. Много дней я жил на тарелке супа, которую мне давал директор Минусинского музея ¹¹, сам беженец, и на черном хлебе, который мне собрали товарищи в лагере. Магазины закрылись. И тогда в уличной картине начали происходить перемены, которые наложили особенный отпечаток на советские города. Гостиницы,

---

¹¹ Кожанчиков Василий Дмитриевич (1866–1931) – энтомолог, директор Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова (1915–1929). Зимой 1919 г. В.Д. Кожанчиков и его сын Игорь провели в Красноярском музее. Подробнее о В.Д. Кожанчикове и о его взаимоотношениях с Г. Мергартом см.: (Кожанчиков...1930–1931. С. 787; Детлова, 2016. С. 323).

рестораны, магазины и ремесленные мастерские исчезли. В то время неукоснительного исполнения программ все было «национализировано» – продукты, товары, ручной инструмент, вплоть до последней крупинки соли, писчего пера и сапожного молотка. В прежних магазинах были устроены канцелярии. Но эти помещения не соответствовали необходимым требованиям. Тогда взялись за дома беженцев и начали «уплотнять» население, то есть ограничивать в жилых помещениях. «Учреждения» (органы или лучше ведомства) росли, как грибы после дождя. Исполнительный комитет, Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и дезертирством заняли несколько домов, управление народного хозяйства, коммунальное ведомство, управления здравоохранения, народного образования – одним словом, понятные и полезные организации, которые, однако, многократно возросли по сравнению с прежними объемами и вызвали к жизни прямо-таки катастрофический бюрократизм. Чтобы получить кусок парафина, немного керосина, несколько килограммов гипса, нашему завхозу¹² приходилось целый день бегать от ведомства к ведомству, часами ждать, просить, объяснять, предоставлять расписки, собирать подписи. А когда он, наконец, приходил с заявкой в магазин, ему нередко заявляли, что требуемого наименования нет в наличии.

Я хотел устроить выставку доисторических древностей¹³ и наивно полагал, что уж дюжина пригодных «национализированных» витрин из помещений магазинов должна была найтись. Завхоз не смог обнаружить таковых. Тогда мы отправились вместе. Коммунальное ведомство ничего не знало об их местонахождении.

– Впрочем, спросите в управлении народного хозяйства.

Мы рысью побежали туда.

– Витрины, да, да, это есть, идите на улицу X к товарищу Y. Он заведует такими делами. Мы, довольные, поспешили в указанную контору.

---

¹² В указанный период завхозом и делопроизводителем музея числился Николай Александрович Ставровский (1864–?) (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 3).

¹³ Решение «об устройстве выставки по доисторической археологии» было принято в 1920 г. (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 5), однако во время пребывания Г. Мергарта в Сибири этот план реализован не был.

Рис. 16. Археологическая выставка в Музее Приенисейского края, задуманная Г. Мергартром. 1922 г. Фото. КККМ.

– Я? Почему именно я? Это ошибка. Однако сходите в комиссию по управлению национализированным имуществом ¹⁴.

– А где она находится?

– Этого я не знаю.

Мы обращались с этим вопросом к не менее чем десяти чиновникам. Но никто ничего не знал. Возможно, что-нибудь можно было бы узнать в Чрезвычайной комиссии, ЧК. Но вокруг этого дома большинство русских делало большой крюк, так как комиссия с ее почти неограниченной властью на жизнь и смерть запросто могла арестовать из-за каких-нибудь необдуманных выражений.

– Ах, вы критикуете устройство республики! Вы арестованы.

Закон предписывал, чтобы задержанного допросили в течение 24 часов. Только для многочисленных служащих, которые

---

¹⁴ Комиссии по управлению национализированным имуществом были образованы Высшим Советом Народного Хозяйства РСФСР согласно Декрету Совета Народных Комиссаров «О национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц» от 28 июня 1918 года. Декрет упразднял частный контроль над наиболее крупными предприятиями страны и передавал их в ведение отделов ВСНХ под руководством его Президиума.

обитали в этом пугающем доме, количество задержанных было слишком большим. Вот и приходилось заключенному неделями сидеть в подвале, в лучшем случае – в камере, до тех пор, пока не рассмотрят его дело. Ну а потом его могли просто выпустить на волю, если не имелось причин для серьезного разбирательства. Но если родственникам, которые обратились с запросом, говорят: «Этого имени нет в тюремном списке», или «Вы можете забрать вещи этой персоны в канцелярии», или «Вам больше не нужно приносить продукты», – <С. 31> это означало, что заключенный проделал свой последний путь из подвалов ЧК на кладбище.

Как уже было сказано, этот дом обходили далеко стороной. Но мы осмелились войти внутрь, чтобы узнать, что за комиссия распоряжается национализированным имуществом. Я спросил о местонахождении находящихся в ее ведении предметов.

– Они распределяются по соответствующим ведомствам.

– Тогда какая организация получила витрины?

– Этого я не знаю.

– Но, вероятно, есть списки актов о ликвидации, из которых можно...

– Нет, таких списков нет.

Скажу в двух словах, чем закончилось дело, – мы наконец-то нашли около сотни застекленных шкафов во дворе одного из «учреждений». Долгие недели они лежали в снегу, небрежно выгруженные, разбитые, сломанные, с выбитыми стеклами. Из этого «национализированного достояния» я смог выбрать то, что было хотя бы в половину пригодно, но музей должен был дать расписку, по которой органы власти могли бы забрать шкафы обратно. Подобную расписку я однажды давал в Минусинске, когда обязался отправить лодку после ее использования обратно из Красноярска, расположенного в 400 км ниже по течению. В Красноярске посмеялись. И наверняка эта лодка и по сей день лежит там, где была оставлена. И действительно, она, по меньшей мере, послужила общественным целям, тогда как остальные 10 национализированных в Минусинске лодок отныне вообще невозможно отыскать.

Справедливости ради нужно заметить, что большое количество древностей, произведений искусства, книг и других фондовых коллекций попало в музеи и библиотеки, правда, нередко по-

сле многочисленных хлопот, ходатайств и хождений с просьбами директоров соответствующих учреждений. Музеи в этот период разрухи проводили огромную работу по спасению ценностей, и в этом их поддерживали благоразумные люди на руководящих постах. Вот только на одного из таких порядочных, серьезных и честных людей, которых было немного, приходился целый ряд таких элементов, которые в гигантском эксперименте по созданию новых форм бытия видели лишь удобный случай, чтобы удовлетворить свою потребность в разрушении и насилии или чтобы легко обогатиться. Зачастую они грешили только глупостью. Случилось как-то раз, что два мелких функционера увидели в одном доме в городе энциклопедический словарь. Целый словарь! У семьи, в которой всего-навсего было шесть человек! В то время как широкие слои народа изголодались по просвещению! Спустя пару дней они пришли с реквизиционным удостоверением и национализировали словарь для какого-то клуба. Вот только они не смогли выписать расписку в получении. Однако они все-таки нацарапали свои имена под предоставленной бумагой, прежде чем удалились с обычей. Но том, который накануне вечером понадобился в семье одной из дочерей, остался лежать на рабочем столе. И его никогда не искали.

Рис. 17. Фонды Музея Приенисейского края. Фото. КККМ.

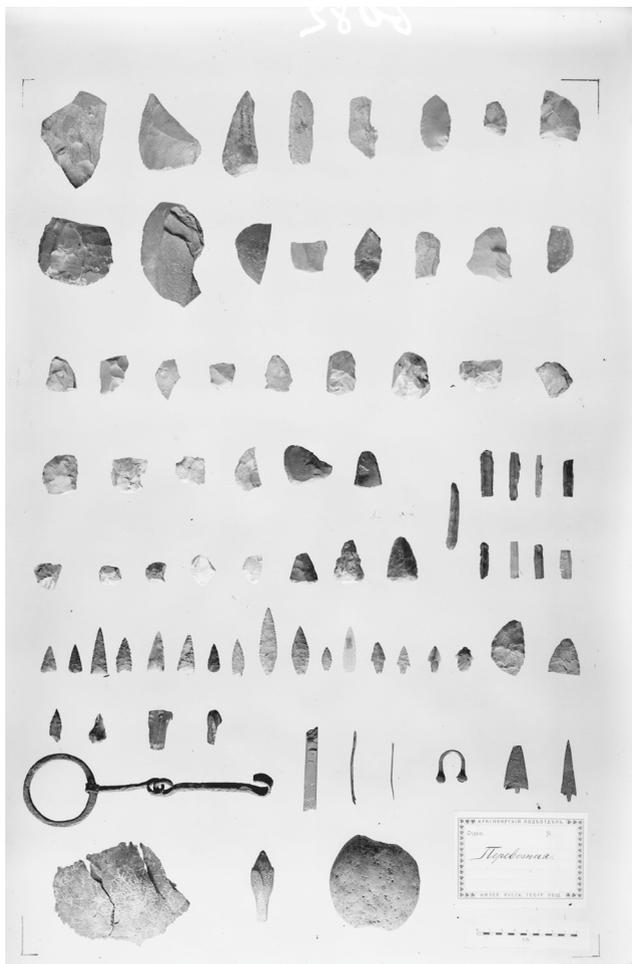

Рис. 18. Часть археологической коллекции музея. Фото. КККМ.

Мои собственные условия работы были более благоприятны: несмотря на столь кратковременное пребывание, мне выделили более просторное помещение, которое не тревожили. Но в этом зале должны были производиться все работы моего отдела. Чистка костей, камней, черепков, работы с клеем, гипсом, консервация парафином, монтаж, написание этикеток – все происходило в одном и том же помещении, а посреди этой атмосферы из пыли,

ржавчины, чада и шума сидела моя помощница, молодая дама¹⁵, которую к нам привела нужда в работе и которая с рвением, достойным восхищения, составила инвентарный список и опись коллекций моего отдела. Она справилась с этой масштабной задачей. Ведь фонд отдела за год с четвертью увеличился с 9000 до 19000 единиц. Но она пожертвовала своей учебой ради этой работы – пример безрассудного расточительства кадров в этот период. И лишь потратив много усилий, удалось освободить ее от сверхурочной работы в качестве учительницы для неграмотных. Окончательное избавление ее от такой нагрузки наступило, когда школа, к которой ее прикрепили, не открылась из-за отсутствия помещения и материалов.

Сами школьные здания были почти все без исключения конфискованы армией. Уроки проводились во всех возможных и некоторых невозможных временных квартирах. Зато для подготовленного таким образом подрастающего поколения были отстроены высшие школы, три из которых находились в Красноярске¹⁶. Это являлось одной из причин того, почему музей не мог добиться площадей для выставления своих сокровищ. Впрочем, такое положение ни в коей мере не мешало органам власти посылать к нам все новые «экскурсии». Сельские школьники, красноармейцы, коммунисты и другие любопытствующие толпились среди витрин и шкафов и терпеливо выслушивали наши лекции. Среди них были все-таки интересовавшиеся, множество равнодушных и даже те, кто настолько успешно освободился от предосудительной веры в авторитеты, что, противореча понятным разъяснениям, настаивал на том, что это все обман, а он не настолько туп, чтобы верить в это. <С. 32> Только ссылаясь на ряд серьезных повреждений имущества, удавалось сдерживать этот поток экскурсий, не попадая при этом под опасное подозрение в «саботаже».

---

¹⁵ Новодворская Мария Викторовна (1896–?) – ассистентка Г. Мергарта в Красноярском музее в 1921 г., впоследствии переехала в Варшаву, где продолжила изучать археологию.

¹⁶ Автор имел в виду, скорее всего, средние общеобразовательные или специальные учебные заведения, так как первый вуз в Красноярске появился в 1930 году.

Далеко идущие планы правительства по подъему народного образования ¹⁷ привели – особенно в провинции – к поистине организационному ражy. На бумаге организовывали, разрабатывали превосходные проекты, определяли необходимые и уже лишние кадры, наконец, соображали при удобном случае: нужны ли и где нужны необходимые материалы. То эти рьяные организаторы постановили, что мы, например, должны сдать все оружие в музей при школе красных комендантов (здание женской гимназии) ¹⁸, «так как Музей Приенисейского края не имеет ни причин, ни права хранить оружие». Другой потребовал все картины и произведения искусства для своего художественного музея, третий – всю кустарную продукцию и технологический отдел целиком, четвертый хотел удовольствоваться витринами на улицах, в которых должны были выставляться интересные музейные объекты из разных собраний.

---

¹⁷ Как известно, после Октября 1917 года началась коренная перестройка школы, учебных заведений, учреждений культуры, музеев и др., которая была в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР. Совет Народных Комиссаров принял ряд постановлений и декретов, которые ликвидировали прежнюю систему воспитания и образования в стране. Среди них – постановление СНК о передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению (11.11.1917); декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (21.01.1918); декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР (2.08.1918); постановление об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве НКП РСФСР (30.05.19 18); декрет об охране библиотек и книгохранилищ (17.07.1918); декрет о порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще (26.11.1918); декрет о централизации библиотечного дела в РСФСР (3.11.1918). К февралю 1918 г. все учебные заведения России были переданы в ведение Наркомпроса. В 1920-х годах этот орган контролировал все культурно-гуманитарные сферы: образование, библиотечное дело, книгоиздательство, музеи, театры и кино, клубы, парки культуры и отдыха, охрану памятников архитектуры и культуры, творческие объединения, международные культурные связи и др. (Декреты... 1957; 1959). Исполнение планов правительства, особенно на местах, как следует из воспоминаний Г. Мергарта, не обходилось без неразберихи и беспорядков.

¹⁸ Ныне – здание факультета начального образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева на пр. Мира, 83.

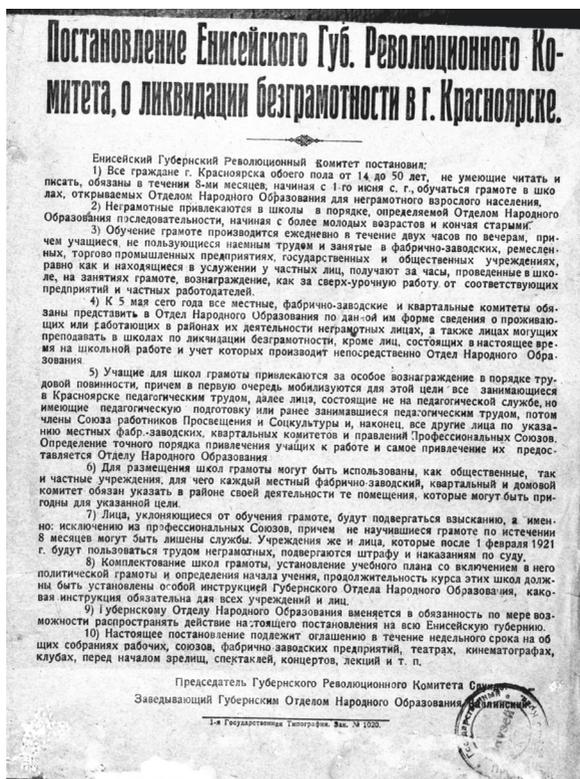

Рис. 19. Постановление Енисейского губернского ревкома о ликвидации неграмотности. КККМ.

Считалось за счастье, если государственный пункт распределения материалов для такого института, как наш музей со всеми его служащими, мог выделить на месяц хотя бы одно писчее перо и десяток листов бумаги. Это все-таки сдерживало прить некоторых людей от разработки масштабных организационных проектов, которые в основном сводились к тому, чтобы разрушить существующее и из полученного материала «построить» новое. Впрочем, жажда деятельности чаще всего остывала уже тогда, как только отец идеи добивался помещения, именуемого «бюро», пайка и ордера на керосин для освещения служебного помещения. Ведь именно керосин был желанным предметом обмена, за который крестьяне были готовы отдать любые сокровища.

Каждый старался устроиться так, как умел или как ему это позволяли его представления о порядочности. То, что на оклад нельзя было прожить, выяснилось очень скоро. Я входил в одну из самых высокооплачиваемых групп. Сначала я получал 2000 рублей ежемесячно и был не в состоянии их израсходовать – попросту было нечего купить. Позже выяснилось, что моя оценка была слишком занижена. Я смог добиться более 7000 рублей ежемесячно, а задним числом мне также выплатили разницу за шесть месяцев. Это произошло в то время, когда татары ¹⁹ начали продавать конину за деньги. Я приобрел 30 фунтов зараз, что знаменовало поворот к роскоши в вопросе моего снабжения. До июля 1921 года, то есть до моего отъезда из Красноярска, жалование осталось неизменным. Постепенное оживление торговли также позволило полностью насладиться заслуженными благами. На мои 7000 рублей я мог приобрести по вкусу или потребности: 7 фунтов черного хлеба, или 40 сигарет, или полфунта масла, или 5 коробков спичек, или 2 фунта свинины. Я мог также отправить 4 заказных письма и 10 открыток. А если бы мне пришлось оплатить из своего кошелька железнодорожный билет от Казани до Москвы, то я должен был бы отработать два года и три месяца.

2. Разрушенный большевистский идеал.

Гостиницы, кафе, кондитерские и продовольственные магазины исчезли из облика улиц Красноярска, как и все прочие «капиталистические предприятия». Человек, который что-либо хотел продать или который привез себе несколько килограммов картофеля, являлся «спекулянтом». Милиционеры рьяно охотились на них. «Похищенное у общественности имущество» снова поступало в общественное распределение, что означало – это потребляли милиционеры как представители этих общественных органов. Понятно, что под удар попадали крестьяне, которые до этого 2-3 раза в неделю привозили свою продукцию на продажу на рынок, базар. Впрочем, нужно сказать, что село почти безмолвно, но с удиви-

---

¹⁹ В данном случае под татарами подразумевается «обобщенное название разных тюркских народов страны до начала XX века, в том числе народностей Красноярского края» (Кривоногов, 1998. С. 606).

тельной точностью и сплоченностью организовало по отношению к городу продуктивное ростовщичество. То есть борьба правительства велась не без причины. Но когда милиция окружала весь рынок, распродавала лотки по произвольно «фиксированной цене» или проводила конфискацию товаров, то крестьянин в следующий раз сторонился города. И когда он понял, что купить за деньги ничего нельзя, что за свои товары он получит только бумагу, а за бумагу – никаких других товаров, он исчез. За очень короткое время, таким образом, и город был почти полностью переведен на государственное обеспечение продовольствием. <С. 33> Слово «паек» (продуктовый рацион) приобрело особое значение. Я недвусмысленно говорю слово «паек». То есть сам паек в конце концов больше не играл никакой роли в пропитании.

Вероятно, никто не будет оспаривать, что в Советской России занимались решением чудовищных проблем народного хозяйства, регулирования и распределения продукции и, действительно, серьезно занимались, даже с воодушевлением и беспощадной решимостью. Я могу поведать об этой стороне жизни 1920–1921 гг. с позиции нуждающегося в продовольствии музейного служащего. В переходный период в Красноярске жили, насколько это было возможно, на старых запасах. Ведь сибирской домохозяйке было довольно легко консервировать свои зимние припасы. В одном более-менее обустроенном подвале мясо можно хранить семь месяцев в году. Просто в виде замороженного мяса. Молоко хранится кругами, яйца – как мерзлые булжники. Можно было сварить гектолитр щей, заморозить и в течение всей зимы попросту откалывать порции. Распространены также пельмени, которые заготавливаются зараз сотнями или тысячами. Замороженные и сыпанные в мешок, они гремят, как орехи, хранятся, естественно, месяцами, и таким образом представляют собой готовые к употреблению консервы, без жестяной или стеклянной банки.

Каждый «несамопроизводитель», в зависимости от своих финансовых возможностей, осенью делал внушительные или более скромные запасы важнейших продуктов питания, к которым, в первую очередь, относилась хлебная мука, так как в большинстве семей хлеб пекли дома. Те, кто получал жалование, при прежних ценах могли обеспечить себя вплоть до середины зимы,

то есть где-то до февраля. Теперь, в 1920 году, произошла смена правительства, затем последовала отмена колчаковских денег и национализация магазинов. Иными словами, опустение базара наступило в то время, когда зимние припасы пошли на убыль, что вынудило значительную часть населения посещать государственные столовые. Доживающие свои последние дни кафе ни в коей мере не удовлетворяли потребностей. Стояли в очередях и ждали нередко 1–2 часа, например, когда производилась выдача карточек на хлеб и другие продукты. Царящий тогда дефицит разменных монет вынуждал людей, которые уже получили карточки, еще толпиться у кассы, пока не поступит мелочь. Этот недостаток позднее устранили за счет того, что вместо денег стали выдавать сигареты. Сама еда вряд ли могла восполнить затраченные на ее добывание калории, но в то время все же получали 1½ фунта (40 русских фунтов = 16 кг) белого хлеба в день. В любом случае мое физическое состояние к началу весны и экскурсий было таково, что при вроде бы нормальном здоровье после перехода в 5–6 км я должен был отдыхать минимум четверть часа, чтобы побороть приступ головокружения.

Рис. 20. Продовольственная карточка советского служащего Геро фон Мергарта. КККМ.

Позднее я расскажу, как благоприятно повлияло трехмесячное летнее путешествие по краю для восстановления сил. По возвращении в город я нашел, что ситуация со снабжением значительно улучшилась. Число «столовых» увеличилось. Дело перешло в руки почти исключительно военнопленных, преимущественно офицеров. Руководители, завхозы, кладовщики, повара, помощники, официанты, хлеборезы, кассиры были взяты из распущенных лагерей. Студент-техник встречал меня на входе, банковскому служащему я платил в кассе, учитель народной (восьмилетней) школы приносил мне еду, профессор гимназии разливал кофе, а служащий магистрата раздавал хлеб. Продавцы, крестьяне, студенты, вахмистры в полном согласии работали поварами. Были скатерти, столовые приборы, хорошая посуда, бумажные салфетки, простая, но добротна приготовленная пища, по воскресеньям – даже выпечка. Черный кофе выдавался в любых количествах. В первой половине дня на завтрак можно было получить чай. Для государственных служащих упразднили любую плату – своих слуг Советская Россия обеспечивала безвозмездно.

Рис. 21. Талон на посещение кафе для военнопленных офицеров. КККМ.

Когда я покинул Красноярск в конце июня 1921 года, от этого великолепия сохранилась только бесплатная раздача. Сначала вычеркнули воскресные кексы. Потом сократили норму кофе. Позднее чаще всего давали чай из каких-то трав, к тому же только 2–3 раза в неделю. Отменили завтраки. Долгое время оставался исключительно черный хлеб, дневная порция которого уменьшилась на 3/8 фунта. Поздней осенью 1920 года началась депортация всех плененных, кроме венгров. Ушли чистота, добросовестность, исчезла посуда и приборы. Бумажные салфетки превратились в слишком востребованную сигаретную бумагу, чтобы их выдавать. Жидкий суп, сваренный из нескольких черепов и ног или внутренностей, ложка гречки или пшеничных зерен в виде пюре (каша), один-два раза в неделю несколько граммов мяса – и все. <С. 34> А однажды еду подали в побитых жестяных мисках, на дне которых можно было обнаружить фабричные марки американских или японских консервных фирм. Нашу столовую насмешливо прозвали «буржуазной столовой», потому что здесь еще имелись грязные скатерти, жестяные ложки вместо деревянных и обслуживались большей частью служащие из бывшего буржуазного слоя. Периодически появляющаяся чисто человеческая тяга к привольной жизни угнеталась тем, что как-то раз мы получили грязную воду, именуемую супом, на другой день – ложку каши и так далее.

– Так как же Вы выживали? – спросите Вы меня.

– Как получится.

Однажды – а это было зимой 1920–1921 гг., когда сначала тайно, затем открыто практиковалась такая форма товарообмена – за старые летние брюки я выменял 20 кг пшеницы. Затем я продал несколько жестяных посуды, подробное описание которых навлечет на меня презрение всех немецких домохозяек любого сословия, – за 24 кило ржаной муки. Далее, благодаря благосклонности правления эвакуационного комитета, в чьем ведении я находился как «бывший пленный империалистической войны», я стал обладателем комплекта зимнего белья и китайского ватного кафтана. Последний можно было считать роскошью, так как у меня была еще и австрийская шинель. Кафтан также был обращен в муку. Впоследствии мои покровители еще и подняли шумиху. Указывали на то, что я – единственный специалист по первобытной истории

от Урала до Иркутска, прежде всего, в Енисейской губернии и работаю ежедневно по 10–12 часов. Так что «профсоюз работников просвещения и социалистической культуры» наградил меня ежемесячной натуральной премией в размере 21 фунта муки, стольких же овощей, фунта соли и полутора – мяса. Я получал их шесть месяцев, впрочем, «овощи» лишь единожды, в виде твердой, как кость, мерзлой картошки. Я был первым и в течение нескольких месяцев единственным в губернии получателем такого премиального пайка.

Законы и предписания центральных органов власти снова работали на то, чтобы образование во всех его формах заняло подающее место, снискало понимание и уважение народа, но на практике профессиональные объединения работников физического труда находились в более выгодных условиях по сравнению с профсоюзом работников умственного труда. Рабочий, занятый на тяжелой работе, обоснованно получал дополнительное вознаграждение продуктами питания. Но не было ничего хорошего в том, если сельский учитель вынужден просить милостыню или наниматься на заработки и не мог посещать столь необходимые при продолжающейся школьной реформе курсы повышения квалификации, потому что у него нет обуви. Так что и здесь мы сталкиваемся с одной из сложнейших проблем России. По букве закона работника просвещения должны во всем поддерживать по мере того, как улучшается материальное положение государства. Но наступит ли такое улучшение, если творческие работники с образованием голодают или даже умирают от голода, и если те самые люди, перед которыми поставлена колоссальная задача – обучить 100 миллионов человек чтению и письму и воспитать сознательных граждан отданы на милость крестьянина, который, по сути, видит в них врага, как минимум – нечто не нужное?

Чтобы сохранить трудоспособность хотя бы части специалистов, систему обеспечения, которая львиную долю снабжения выделяет работникам физического труда, дополнили введением специального пайка. Прежде всего, это кремлевский паек, который гарантирует руководящим лицам хотя и не роскошное, но довольно безбедное существование. Академический паек отсрочил вымирание преподавателей высшей школы. Паек «особо от-

ветственных» и «ответственных» работников, в первую очередь, по понятным соображениям достается членам Коммунистической партии, так как именно они чаще всего занимают ответственные посты. Однако и заведующие отделами музея получали паек ответственных работников, правда, в последние два месяца моего пребывания [в Красноярске]. Он включал в себя 34 фунта муки, 1–3 масла, 1½ – сахара, ½ – табака, 1/32 – чая, кусочек мыла и две коробки спичек. Тем самым после долгих обсуждений была устранена нелепая ситуация, когда машинистка военной канцелярии или девочка, которая трижды в неделю пела в хоре какого-нибудь военного клуба как имеющая отношение к Красной Армии питалась почти в три раза обильнее и лучше, чем какой-нибудь директор музея или учитель средней школы.

Можно видеть – идеал, по которому все должны в равной мере работать на государство и в равной мере получать от него, был просто разрушен реальной жизнью. И это понимали и делали выводы. Если поначалу каждый человек определенного возраста, привлеченный на государственную службу, не мог зарабатывать в другом месте, то уже в 1921 году осознали, что при таком методе и с прежней аграрной политикой государство все менее было способно обеспечивать действующие и необходимые кадры. <С. 35> Тогда, недолго думая, половину служащих сократили и возвратили возможность зарабатывать средства к жизни личной инициативой. Люди, которые еще год назад охотились на «спекулянтов» и зависели от этой скудной добычи, сейчас вполне комфортно вели образ жизни спекулянтов. Разве что сейчас они были коммерсантами и хотели так называться. Они требовали этого тоном глубочайшего убеждения. Убеждения? Ну да, – если только был хорош тон убеждения.

3. Музей в Красноярске.

Музей, в котором я служил, изначально находился на попечении Географического общества²⁰ и города Красноярска. В соответствии с местоположением в столице губернии и значимостью

---

²⁰ Речь идет о Красноярском подотделе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества; подробнее см.: (Вдовин и др., 2001).

Рис. 22. Красноярск в конце XIX века. Центр города. Фото. КККМ.

Рис. 23. Старобазарная площадь в Красноярске, где располагался Музей Приенисейского края. Фото. КККМ.

Рис. 24. Здание Музея Приенисейского края на Старобазарной площади.
Фото. КККМ.

Географического общества этому учреждению полагался статус центрального ведомства, сфера деятельности которого охватывала всю губернию – от области истоков Енисея, находящегося под китайским протекторатом Урянхая²¹, до побережья Северного Ледовитого океана, то есть территорию, многократно превосходящую по величине Германскую империю²². По содержанию

---

²¹ Урянхай или Урянхайский край – русское название Тувы в 1914–1921 гг. До 1912 г. край находился под властью маньчжурской династии Цин, правившей Китаем, под управлением Китайской палаты внешних сношений и носил название «Танну-Урянхай». Термин «Урянх» – монгольского происхождения. Урянхайцами, урянхами называли тувинцев русские в документах XVII – начала XX века. 4 (17) апреля 1914 г. установлен протекторат России над пятью хошунами Урянхайского края. Край был включён в состав Енисейской губернии. В 1921 г. была провозглашена Народная Республика Танну-Тува, с 1926 г. она стала называться Тувинская Народная Республика (Николаев, 2009).

²² Площадь Германской империи к началу XX века составляла 540 858 км² https://de.wikipedia.org/wiki/Deutsches_Kaiserreich, площадь Енисейской губернии – около 2 297 тыс. км² (в 1913 году); см.: (Енисейская губерния... 1929. С. 887–888).

фондов музей соответствовал нашим провинциальным музеям с коллекциями всех видов. Руководили им консерватор и его ассистент ²³ (рис. 14.) Перед войной было возведено новое здание, большое, целесообразное и воистину эффективное, в прекрасном месте на берегу Енисея. Перед войной оно вчерне было закончено. Но работы были вынуждены прервать. В дальнейшем военное управление временно использовало здание под казармы, которые затем продолжили обустраивать чехи, заполнив постройку деревянными конструкциями. После переворота газеты писали, что наконец-то настало время привести в соответствие с истинным назначением этот важный институт народного образования, который был преступно использован реакционным колчаковским правительством для военных целей. Только тяжелая эпидемия сыпного тифа, которая протянулась через Красноярск вслед за армией, до поры до времени не позволяла отдать такое большое закрытое помещение. Когда, наконец, можно было приступить к эвакуации, нескольким людям было поручено заняться дезинфекцией. Они столь эффективно выполнили свою задачу, что здание сгорело ²⁴. Главный виновник получил два года каторжных работ, но вскоре был амнистирован. Так как невозможно строить без цемента, извести, кирпичей и железа, а таковые материалы тогда полностью отсутствовали, музей остался стоять в виде закоптелых заброшенных руин. Разумеется, дефицит материалов также предотвратил запланированное сооружение искусственной мельницы в некогда «Институте народного образования».

---

²³ Согласно «Отчету музея за 1919 год», «хранителем музея состоял А. Я. Тугаринов, его помощником – А. Л. Яворский» (НА КККМ. Оп. 1. Д. 356. Л. 3).

²⁴ В годы Гражданской войны недостроенное здание музея в «египетском стиле» использовалось, в том числе, как военный лазарет для тифозных больных. После того как помещение освободили, было решено произвести дезинфекцию. Для этой цели использовали серу. Зажженная сера воспламенила деревянный пол, начался пожар. Пламенем были уничтожены деревянные перекрытия, деформированы несущие железные балки, пострадала кирпичная кладка. В ходе следствия была установлена небрежность дезинфектора, который был приговорен Ревтрибуналом к нескольким месяцам ареста; подробнее см.: (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 4 об).

Рис. 25. Реставрация нового здания музея после пожара 1920 г.
Фото. КККМ.

Рис. 26. Окончание строительства здания Красноярского
краевого краеведческого музея в 1930 г. Фото. КККМ.

В старом музее во время смены правительств музейные фонды оставались в ящиках. Оставались доступными только богатое орнитологическое собрание, с которым работал консерватор, военный и революционный архив²⁵, который постоянно пополнялся, и археологическая коллекция, которую я начал систематизировать по-новому (рис. 16, 18). Один зал занимали солдаты, о которых уже шла речь. Беженцев и принудительно расквартированных размещалось, должно быть, человек 15. Для этого, помимо квартиры консерватора, также пришлось занять канцелярию и библиотеку. В других помещениях мы штабелями составили ящики, сдвинули вместе шкафы и сложили в кучу груды не распакованных предметов. Чад хорошо натопленных солдатских квартир оседал слоем иная в 3–5 см на потолке.

При таких обстоятельствах кажется почти забавным, что советские власти вскоре после переворота отдали приказ о реорганизации музея²⁶. Нужно отметить размах, с которым большевистское правительство решало вопросы образования, когда одним росчерком пера были утверждены предложенный штат, состоящий из директора, семи заведующих отделами, 10 практикантов, персонала канцелярии и обслуживающего персонала, плюс ходатайство об окладах и не слишком скупой отмеренная бюджетная смета. Только изначально директор должен был довольствоваться титулом «смотритель музея», название заведующих отделами «консерваторами» также не вызвало одобрения. Этот отдающий реакционным душком титул был заменен на «смотритель...отдела». Вскоре после этого и предложенное увеличение штата на 10 научных сотрудников не встретило поддержки. Как общий дефицит квалифицированных кадров, так и значительно более неблагоприятное по сравнению с другими – в особенности с причисленными к армии – службами, материальное обеспечение повлекли за собой то, что едва ли треть предусмотренных вакансий можно было заполнить.

<С. 36>

---

²⁵ Согласно «Отчету о работе музея за 1920 год», «исторический архив с января по 1 сентября состоял в заведовании С.Н. Мамеева, с 15 октября – В.А. Смирнова» (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л.3).

²⁶ Подробнее о реорганизации музея см.: (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 1, 1 об).

Служили в музее, главным образом, как раз те люди, для которых дело было важнее, чем какой-либо материальный расчет; особенно не выигрывал ничего обслуживающий персонал. О том времени и текучести кадров свидетельствует то, что два военнопленных офицера – счетовод одного из банков и библиотекарь герцога²⁷ – в течение нескольких месяцев с болезненной добросовестностью исполняли обязанности дворника и истопника, и что ни до, ни после того, как срок их службы окончился,

нельзя было найти русских работников на эти должности. При этом, например, топливо выделялось в виде плотов из больших стволов деревьев, лежащих либо в ста шагах от музея, либо на расстоянии 4 км вниз по реке. И мы в полном составе отправлялись за ними, разбирали плоты, вытаскивали бревна на берег, распиливали их на чурки, тащили собственноручно в музей и кололи. Для доставки древесины издалека, которую выделили только после замерзания реки, транспортный отдел не дал лошадей, так как все владельцы телег должны были отрабатывать извозную повинность. Только неустойчивости нашего завхоза мы обязаны счастливым случаем, что нашли одного извозчика, который привез древесину за плату в виде половины оной. Но так как само выделенное нам количество было недостаточно, то в наступившую зиму мы замерзали еще больше и были вынуждены сплотиться еще теснее.

Рис. 27. Археологи Н.К. Ауэрбах и Г.П. Сосновский на раскопках Афонтовой горы. Фото. КККМ.

²⁷ Возможно, подразумеваются И. Водрацка и Г. Пангерл, которые состояли на службе в музее в указанный период (ГАКК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 11. Л. 2).

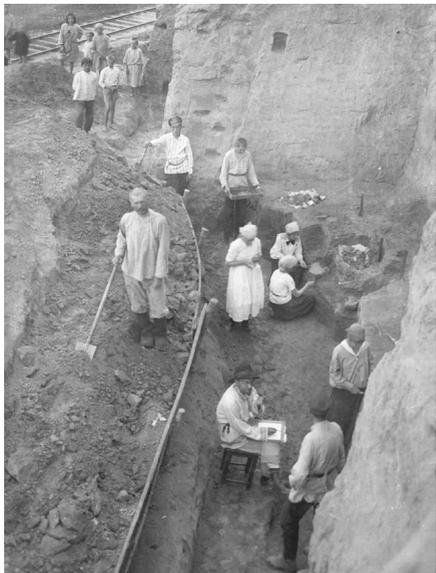

Рис. 28. Раскопки на Афонтовой горе в начале 1920-х гг. Фото. КККМ.

Рис. 29. Иней в помещениях Музея Приенисейского края зимой 1920 г. Фото. КККМ.

Музей располагал прекрасными коллекциями (рис. 16, 17, 18, 30, 31). Имелся этнографический материал по старожильческому русскому населению, сойотам, татарам²⁸, тунгусам, остякам, енисейцам, гилякам²⁹ и т.д., частью в довольно полных собраниях. Уже одно это поглощало все внимание соответствующего специалиста, чтобы при постоянном упаковывании и распаковывании получать необходимое представление о фондах и проводить безотлагательную консервацию ценных меховых вещей, костюмов, вышивок. Геолог окопался за настоящими баррикадами из зубов, костей мамонта, черепов и частей скелета шерстистого носорога, тура и других интересных, но требующих места ископаемых и нуждался в отдельном складском помещении для перемещения своих ящиков с окаменелостями. Гербарий и ботанические экспонаты заполняли большие полки, образуя нагромождения. При работе с этой собранной за многие годы флорой китайских пограничных гор, степи, тайги (сибирского девственного леса) и тундры ботаник³⁰, тем не менее, постоянно сталкивался с хранительницей военного и революционного архива³¹, в чьем ведении находились тысячи газет, воззваний, плакатов, открыток, листовок и весь поступающий с поразительной быстротой агитационный материал центральных типографий. Картинная галерея располагалась в подвале, который в результате деятельности «компетентных» реквизиционных комиссий в безумном хаосе заполнился бронзовыми люстрами, трехногими стульями, завалами книг, фигурками неаполитанских рыбацких детей из гипса или глины и другими подобными ценностями. То, что в таких условиях вообще велась работа, является заслугой не исключительно задуманного, а именно чисто теоретического содействия властей. Доверчивая, непоколе-

---

²⁸ См. прим. 17.

²⁹ Устаревшие названия сибирских народностей: тувинцев (сойоты), хакасов (минусинские или ачинские татары), эвенков (тунгусы). Под остяками и енисейцами в данном случае, возможно, подразумеваются селькупы, кеты или иные енисейскоязычные или самодийскоязычные народности.

³⁰ Согласно «Отчету о работе музея за 1920 год», в указанный период отделом ботаники заведовал А.Л. Яворский (НА КККМ. Оп. 1. Д. 357. Л. 2 об).

³¹ Так как в указанный период историческим архивом заведовали С.Н. Мамеев, а позже В.А. Смирнов (см. прим. 21), то Г. Мергарт, скорее всего, имеет в виду М.В. Красноженову, которая заведовала отделом печати.

бимая даже в период самых тяжелых разочарований преданность идее, терпение, которое нервные люди называют инертностью, и восточное не-учитывание³² времени и сил – это то, что в сегодняшней России при отсутствии всяческих условий продолжает создавать ценности.

Рис. 30. Фрагмент экспозиции в старом здании Музея Приенисейского края. Фото. КККМ.

Рис. 31. М.В. Красноженова за работой в фондах Музея Приенисейского края. Фото. КККМ.

---

³² Неологизм Г. Мергарта.

Основные даты биографии Геро фон Мергарта

1886 г., 17 октября – в семье офицера Вальтера Мергарта, урожденного Бернегга, и его супруги Каролины в фамильном владении на Боденском озере (на границе Австрии, Швейцарии, Германии) родился Геро Курт Карл Мария Мергарт фон Бернегг.

1907 г. – после окончания народной школы и гимназии сдает экзамен на аттестат зрелости, после чего добровольцем проходит службу в армии, в полку инфантерии №14.

1908 г. – начинает учебу в Мюнхенском университете, где изучает естественную историю и географию, специализируется по геологии.

1913 г. – защищает диссертацию «Меловой и третичный период между Хохбланкеном и Рейном». Работает ассистентом в Мюнхенском государственном антрополого-историческом собрании под руководством известного антрополога, проф. И. Ранке.

1914 г. – с началом Первой мировой войны призван на службу старшим лейтенантом резерва австро-венгерской армии. 10 декабря в Галиции (Западная Украина) попадает в русский плен. Определен в офицерский лагерь в Чите, затем был переведен в Канск.

1919 г. – при посредничестве Эльзы Брендстрем, делегата Шведского Красного Креста, поступает на работу в Музей Приенисейского края в Красноярске в качестве реставратора. При советской власти был назначен заведующим археологическим отделом музея.

1920 г. – проводит исследования на обширной территории от д. Означенной на юге края до г. Енисейска – на севере. Результаты работ обобщены в многочисленных отчетах и публикациях.

1921 г., 29 июня – покидает Красноярск, несколько месяцев работает в музеях Казани, Москвы, Петрограда. Осенью возвращается на родину, в Австрию. Переезжает в Мюнхен, где живет в последующие годы.

1922 г. – женится на Барбаре Нюшельн (умерла в 1931 г.), в 1923 г. рождается сын Ульрих.

1924 г. – защищает диссертацию «Бронзовый век на Енисее». Работу в Музее Фердинанда в г. Инсбруке (Австрия) совмещает с преподаванием в Инсбрукском университете.

1926 г. – выходит в свет книга «Бронзовый век на Енисее». Руководит отделом древней истории Форарльбергского земельного музея.

1927 г. – приглашен на должность ассистента директора Римско-Германского музея в Майнце.

1928 г., 1 мая – становится первым штатным профессором древней истории Германии на впервые учрежденной кафедре древней истории г. Марбурга-на-Ланне). Одновременно является доверенным представителем Общества охраны памятников в Гессене (округ Кассель).

1930 г. – вступает в конфликт с Гансом Райнертом, руководителем Государственного Союза немецкой древней истории, который к 1933 г. перерастает в общий конфликт с нацистским режимом.

1938 г. – отстранен от преподавания.

1942 г. – отправлен на пенсию.

1945 г. – возобновляет преподавательскую деятельность в Марбурге-на-Ланне.

1949 г. – покидает Марбург, уезжает в фамильный майорат в Швейцарию, где продолжает вести научную работу.

1957 г., 15 июня – на праздновании 100-летия Форарльбергского краеведческого союза в г. Брегенце (Австрия) выступает с последним в своей жизни публичным докладом об истории исследования Альп.

1959 г., 4 марта – умирает в Кройцлинге (кантон Тургау, Швейцария). Похоронен на фамильном кладбище близ церкви Бернрэйн.

Литература

Баташев М. С. Этнография в жизни директора красноярского музея А.Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011. С. 20-34.

Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Баташев М.С., Васильев А.Д., Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск: КГПУ, 2001. 120 с.

Выдрин Е.В. Русское географическое общество в Красноярске (1901–1937 гг.). Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 120 с.

Двадцатипятилетие Красноярского Городского Музея (1889–1914). Красноярск: Красноярск. подраздел ВСО ИРГО, Енисейская губ. эл.-тип., 1915. 166 с.

Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 – 16 марта 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1957. 624 с.

Декреты Советской власти. Т. II: 17 марта 1918 – 2 июля 1918 г. / Сост. С. Н. Валк и др. М.: Госполитиздат, 1959. 699 с.

Детлова Е. В. Письма Геро Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция. Вып. 3. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 76-87.

Детлова Е. В. Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...» (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011а. С. 88-105.

Детлова Е. В. «Глава и вождь» музейного дела в Красноярске // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011б. С. 92-128.

Детлова Е. В., В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергарт: штрихи к портрету // Мартъяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. IX. Минусинск: Издательские решения, 2016. С. 323-326.

Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918-1920 гг.) / Отв. ред. Д. Б. Груш. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1959. 560 с.

Енисейская губерния // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск: Сиб. краев. изд-во, 1929. С. 887-888.

Кожанчиков, Василий Дмитриевич // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ие ОГИЗ, 1930 – 1931. С. 787.

Козлова Е. В. Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011. С. 361-376.

Кочкина Е. И. Красноярский городской музей в первый период установления советской власти в Сибири // Мартъяновские краеведческие чтения (2012–2013 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. VIII. Минусинск: Печать плюс, 2014, с. 29-33.

Красноярский край в истории Отечества: Книга вторая. 1917–1940. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ / Отв. ред. В. В. Чагин. Красноярск: Кн. изд-во, 1996, с. 272.

Кривоногов В. П. Татары // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: Рус. энциклопедия, 1998, с. 606.

Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск: ТГУ, 2007, с. 160-173.

Макаров Н. П. Археологические исследования А.Я. Тугаринова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011, с. 9-19.

Малицкая А. А., Вдовин А. С. Тугаринов А. Я. и музейное дело Сибири // Мартьяновские краеведческие чтения (2012–2013 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. VIII. Минусинск: Печать плюс, 2016, с. 35-37.

Николаев А. А. Урянхайский край // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 3. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009, с. 379-380.

Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС (1895–1980 гг.). Изд. 2-е, доп. и перераб. / Отв. ред. М. И. Николаев. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1982, с. 599.

Парфенов П. С. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1918–1920. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1924, с. 168.

Полгода Советской власти в Енисейской губернии. Обзор деятельности Советских учреждений с января по 1 августа 1920 года. Красноярск: Енисейское губ. гос. изд-во. 1920, с. VI+227.

Яворский А. Л. Двадцать лет на Енисее // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается...: Сборник научных статей. Красноярск: КККМ, 2011, с. 151-360.

Detlova K., Swozilek H. Briefe des Gero v. Merhart nach Krasnojarsk und ein "Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei – Gebiets" // Jahrbuch der Vorarlberger Landesmuseumsvereins – Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006, p. 7-45.

Merhart G. Erinnerungen an Räte-Rußland // Münchener Neueste Nachrichten von 24/25.12.1921, 31.12.1921, 21/22.1.1922.

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei: Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926, p. 191.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. №7. Osaka, 1958, p. 227-229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen (Hg. von H. Parzinger). Wien-Köln-Weimar: Böhlau-Verlag, 2008, p. 287.

Merhart Gero von. Erinnerungen an Räte-Rußland // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009. Marburg, 2010, p. 29-37. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Сокращения

ВСО ИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей

ОГИЗ – Объединение государственных издательств РСФСР

ТГУ – Томский государственный университет

Сведения об авторах:

Детлова Екатерина Владимировна – старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея; Красноярск, Россия. detlova2012@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН; Москва, Россия. kuzminykhsv@yandex.ru

Gero von Merhart and his «Memoires on the Soviet Russia»

E.V. Detlova, S.V. Kuzminykh

Summary

In 1919 Gero von Merhart, geologist, archaeologist, prisoner of war of the Austro-Hungarian army, became a restorer in the Museum of the Yenisei region of Krasnoyarsk. Later, under the Soviet regime, he was appointed head of the Department of archeology. The results of his fruitful Siberian activities are presented in numerous publications and recorded in reports, which are stored in the archive of the Krasnoyarsk regional Museum. These documents show the enormous amount of work that the Austrian archaeologist has done in less than two years of his staying in Krasnoyarsk. After returning to Austria Margaret defended his thesis and published the book “the Bronze age on the Yenisei”.

At the same time he prepared the “Memory of Soviet Russia”, which was published in three editions of the newspaper “Munich’s latest news”. The events and consequences of the Civil war in Krasnoyarsk, the final establishment of Soviet power, changes in the socio-economic situation, changes in the appearance of the city, life and mood of the population, work in the Krasnoyarsk Museum at that time – the key themes of his story.

Keywords: Gero von Merhart, Erinnerungen, Räte-Rußland, Sibirien, Krasnoyarsk

References

Batashev M. S. Etnografiya v zhizni direktora krasnoyarskogo muzeya A.YA. Tugarinova // Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya....: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011, s. 20-34.

Dekrety Sovetskoy vlasti. T. I: 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918 g. / Sost. S. N. Valk i dr. M.: Gospolitizdat, 1957. 624 s.

Dekrety Sovetskoy vlasti. T. II: 17 marta 1918 – 2 iyulya 1918 g. / Sost. S. N. Valk i dr. M.: Gospolitizdat, 1959. 699 s.

Detlova K., Swozilek H. Briefe des Gero v. Merhart nach Krasnojarsk und ein “Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei – Gebiets” // Jahrbuch der Vorarlberger Landesmuseumsvereins – Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006. P. 7-45.

Detlova Ye. V. «Glava i vozhd» muzeynogo dela v Krasnoyarske // Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya....: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011b. S. 92-128.

Detlova Ye. V. Pisma Gero Mergarta v Krasnoyarskiy muzey // YEniseyskaya provintsiya. Vyp. 3. Krasnoyarsk: KGPU, 2007. S. 76-87.

Detlova Ye. V. Ya chasto vspominayu o Krasnoyarske i o družbe, kotoruyu ya tam vstretil...» (Po stranitsam pisem i memuarov Gero fon Mergarta) // Vtoroy vek podvizhnichestva: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011a. S. 88-105.

Detlova Ye. V., V. D. Kozhanchikov i Gero fon Mergart: shtrikhi k portretu // Martyanovskiye krayevedcheskiye chteniya (2014–2015 gg.): Sbornik dokladov i soobshcheniy. Vyp. IX. Minusinsk: Izdatelskiye resheniya, 2016. S. 323-326.

Dokumenty geroyeskoj borby. Sbornik dokumentalnykh materialov, posvyashchennykh borbe protiv inostrannoy interventsii i vnutrenney kontrevolyutsii na territorii YEniseyskoj gubernii (1918-1920 gg.) / Otv. red. D. B. Grush. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. kn. izd-vo, 1959, s. 560.

Dvadsatipyatiletiye Krasnoyarskogo Gorodskogo Muzeya (1889–1914). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. podotdel VSO IRGO, YEniseyskaya gub. el.-tip., 1915. 166 s.

Kochkina Ye. I. Krasnoyarskiy gorodskoy muzey v pervyy period ustanovleniya soverskoy vlasti v Sibiri // Martyanovskiye krayevedcheskiye chteniya (2012–2013 gg.): Sbornik dokladov i soobshcheniy. Vyp. VIII. Minusinsk: Pechat plyus, 2014, s. 29-33.

Kozhanchikov, Vasilij Dmitriyevich // Sibirskaya soverskaya entsiklopediya. T. 2. Novosibirsk: Zap.-Sib. otd.-iye OGIZ, 1930 – 1931, s. 787.

Kozlova Ye. V. Tvorcheskiy put Arkadiya Yakovlevicha Tugarinova // Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya...: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011, s. 361-376.

Krasnoyarskiy kray v istorii Otechestva: Kniga vtoraya. 1917–1940. KHrestomatiya dlya uchashchikhsya starshikh klassov srednikh shkol / Otv. red. V. V. CHagin. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1996, s. 272.

Krивоногов V. P. Tatory // YEniseyskiy entsiklopedicheskiy slovar. Krasnoyarsk: Rus. entsiklopediya, 1998, s. 606.

Kuzminykh S. V., Detlova YE. V., Salminen T. Gero fon Mergart i yego posledneye vospominaniye o Sibiri // Arkheologicheskiye materialy i issledovaniya Severnoy Azii drevnosti i srednevekovya. Tomsk: TGU, 2007, s. 160-173.

Makarov N. P. Arkheologicheskiye issledovaniya A.YA. Tugarinova // Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya...: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011, s. 9-19.

Malitskaya A. A., Vdovin A. S. Tugarinov A. YA. i muzeynoye delo Sibiri // Martyanovskkiye krayevedcheskiye chteniya (2012–2013 gg.): Sbornik dokladov i soobshcheniy. Vyp. VIII. Minusinsk: Pechat plyus, 2016, s. 35-37.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen (Hg. von H. Parzinger). Wien-Köln-Weimar: Böhlau-Verlag, 2008, p. 287.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. №7. Osaka, 1958, p. 227-229.

Merhart G. Erinnerungen an Räte-Rußland // Münchener Neueste Nachrichten von 24/25.12.1921, 31.12.1921, 21/22.1.1922.

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei: Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926, p. 191.

Merhart Gero von. Erinnerungen an Räte-Rußland // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009. Marburg, 2010, p. 29-37. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Nikolayev A. A. Uryankhayskiy kray // Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t. T. 3. Novosibirsk: Ist. naslediy Sibiri, 2009, s. 379-380.

Ocherki istorii Krasnoyarskoy krayevoy organizatsii KPSS (1895–1980 gg.). Izd. 2-ye, dop. i pererab. / Otv. red. M. I. Nikolayev. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. kn. izd-vo, 1982, s. 599.

Parfenov P. S. (Petr Altayskiy). Grazhdanskaya voyna v Sibiri. 1918–1920. Izd. 2-ye, ispr. i dop. M.: Gos. izd-vo, 1924, s. 168.

Polgoda Sovetskoy vlasti v YEniseyskoy gubernii. Obzor deyatelnosti Sovetskikh uchrezhdeniy s yanvarya po 1 avgusta 1920 goda. Krasnoyarsk: YEniseyskoye gub. gos. izd-vo. 1920, s. VI+227.

Vdovin A.S., Gulyayeva N.P., Makarov N.P., Batashev M.S., Vasilyev A.D., Vydrin YE.V. Russkoye geograficheskoye obshchestvo v Krasnoyarske (1901–1937 gg.). Krasnoyarsk: KGPU, 2001. 120 s.

Vydrin YE.V. Russkoye geograficheskoye obshchestvo v Krasnoyarske (1901–1937 gg.). Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2001, s. 120.

Yavorskiy A. L. Dvadsat let na Yeniseye // Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya...: Sbornik nauchnykh statey. Krasnoyarsk: KKKM, 2011, s. 151-360.

Yeniseyskaya guberniya // Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. T. 1. Novosibirsk: Sib. krayev. izd-vo, 1929, s. 887-888.

Information about authors:

Detlova Ekaterina – Senior Researcher of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore; Krasnoyarsk, Russia; detlova2012@yandex.ru

Kuzminykh Sergey – Senior Researcher, Ph.D., Institute of Archeology RAS; Moscow, Russia. kuzminykhsv@yandex.ru

Дата поступления 15.04.2019